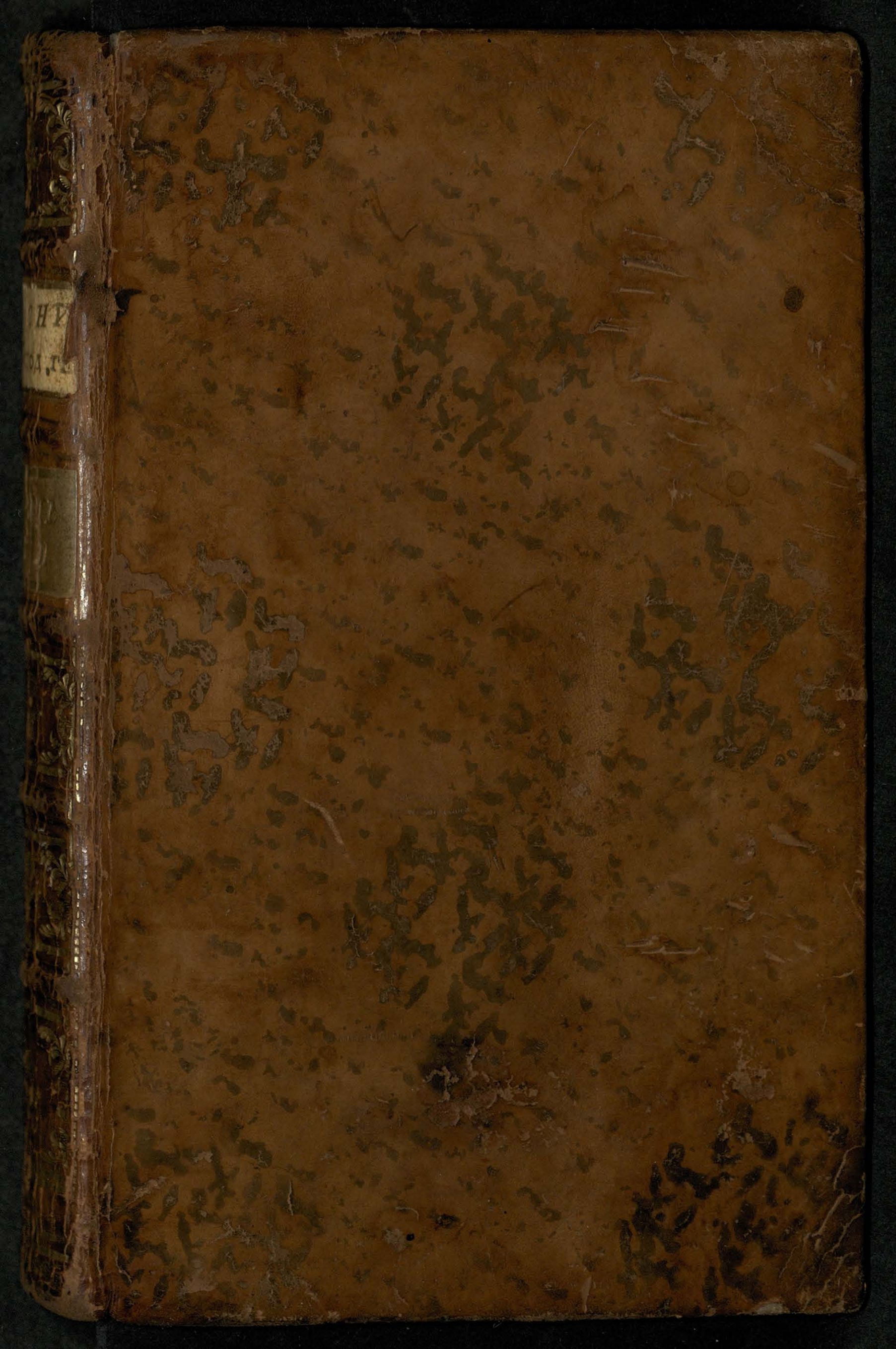

29

1352

3-й тез

Изъ Перервинской
библиотеки

БАСНИ
Господина Ге.

СЪ Англинскаго на Французской, а съ сего на Россійской языкъ переведенныя.

ЧАСТЬ I.

Ce champ là ne se peut tellement moissoner,
Que les derniers venus n'y trouvent à glaner.

La Fontaine.

Всѣхъ классовъ вдругъ не льзя съ сей нивы (намъ пожать.
Еще останется послѣднимъ что собрать.

Ла Фонтенъ.

Иждивеніемъ Н. Новикова и Компаніи.

ВЪ МОСКВѢ,

ВЪ Университетской Типографіи у Н. Новикова, 1783 года.

ОДОБРЕНІЕ

По приказанію Императорскаго Московскаго Университета Господъ Кураторовъ я читалъ книгу подъ заглавіемъ Басни Господина Ге. *и не нашелъ въ нихъ ничего противнаго наставленію данному мнѣ о разсматриваніи печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ; почему оныя и напечатаны быть могутъ. Коллежскій Совѣтникъ, Краснорѣчія Профессоръ и Ценсоръ печатаемыхъ въ Университетской Типографіи книгъ.*

АНТОНЪ БАРСОВЪ.

ОГЛАВЛЕНІЕ

кЪ

Перпой Части.

Вступленіе.

Пастырь и ФилософЪ.

)(6.

стран.

ЖИТІЕ
ІОАННА Ге.
Взятое изъ дополненія Белева Лексикона.

Іоаннъ Ге, славный Аглинской 17 вѣка Стихотворецъ, происходилъ отъ древней фамиліи, жившей въ графствѣ Девонскомъ. Онъ слушалъ иауки въ публичномъ училищѣ въ Варнштапелѣ, находящемся въ томъ же самомъ графствѣ, подъ руководствомъ Вильгельма Генера, весьма искуснаго учителя, которой воспитываясь въ Вестминстерской Академіи, принялъ себѣ за правило наставлять по примѣру той Академіи.

Господинъ Ге имѣлъ нѣкоторой достатокъ, но весьма не довольной для того, чтобъ съ онымъ вести независимую ни отъ кого жизнь, къ какой вольный его духъ былъ склоненъ. Въ 1712 году сдѣланъ онъ Секретаремъ Герцогини Монмутъ, и исправлялъ сію должность до 1714 года, потомъ поѣхалъ въ Ганноверъ съ Графомъ Кларандономъ, отправленнымъ туда Коро-

левою Анною. По смерти сей Государыни Господинъ Ге возвратился въ Англію, гдѣ пріобрѣлъ почтеніе и дружбу отъ знатныхъ и ученыхъ особъ. Между письмами Господина Попе находится нижеслѣдующее писанное отъ 23 Сентября, 1714 года.

„Добро пожаловать, любезный „другъ Господинъ Ге, въ свое отече„ство, къ своимъ пріятелямъ, а боль„ше всѣхъ добро пожаловать ко мнѣ; „хотя бы возвратился ты покрытъ „славою, находясь въ милости при „Дворѣ, любимъ, уважаемъ отъ Вель„можъ, и преисполненъ тщетной на„дежды, или бы прискорбенъ, задум„чивъ, занятъ переворотами щастія „и заботами о будущемъ; хотя бы „пріѣхалъ ты подобно торжествующе„му Вигу, или потерявшему бодрость „Тори, всегда будешь для меня драго„цѣненъ. Естьли ты щастливъ, то „беру я участіе въ твоемъ благопо„лучіи; но естьли злополученъ, то „и въ самое гнѣвное время сыщешь „мѣсто въ моемъ сердцѣ, и убѣжище „въ Біенфильдѣ. Естьли же сходству-

„ешь

„ ешь ты съ Торріемъ, какъ о тебѣ нѣко-
„ торые люди заключаютъ, то я до-
„ вольно знаю, что сіе происходитъ
„ отъ твоей признательности къ тѣмъ
„ особамъ, которыя старались сдѣлать
„ тебѣ услугу, и что ты никогда не
„ входилъ въ ихъ политическія коры-
„ сти. Когда же ты, такъ какъ Вигъ,
„ чего я скорѣе ожидаю по моему упо-
„ ванію, ибо твои правила и мои ме-
„ жду собою сходны; (какъ родныхъ
„ братьевъ въ Аполлонѣ) они стре-
„ мятся всегда къ вольности, по кото-
„ рымъ увѣренъ я въ невинности тво-
„ ей, а особливо извѣстенъ, что ты
„ ни къ той ни къ другой сторонѣ
„ весьма не прилѣпишься, развѣ захочешь
„ сдѣлаться совсѣмъ негоднымъ: и такъ
„ еще разъ, ктобъ ты таковъ ни былъ,
„ или въ какомъ бы состояніи ты ни
„ находился, желаю я тебѣ совершен-
„ наго блага."

Въ 1724 году представлена была на театрѣ Друлянскомъ сочиненная имъ трагедія, называемая Плѣнныя, которую имѣлъ онъ щастіе читать покойной Королевѣ, бывшей тогда еще

Валлискою Принцессою. Въ 1725 году, издалъ онъ въ свѣтъ первую часть своихъ басенъ, посвященныхъ Герцогу Кумберландскому. Вторая часть напечатана была по смерти его стараніемъ Герцога Кенсбури. Сіи послѣднія имѣютъ слогъ политической и гораздо важнѣе первыхъ. Въ 1727 году предлагали господину Ге мѣсто надзирателя надъ молодыми Принцессами, которое имъ не принято. Онъ выдалъ многія сочиненія, кои весьма въ Англіи нравились; главнѣйшія изъ оныхъ суть слѣдующія: недѣля пастуха, Тривія, какъ вы это называете? Опера Нищихъ.

Авторъ примѣчаній на сей стихъ Дунціады (книг: 3 смотр: 326) стр.

Gav dies unpensioued with hundred friends.

Ге умираетъ безъ пансіона съ сотнею друзей.

Сей авторъ, говорю я, примѣчаетъ, что вышеозначенная опера есть сатира, которая весьма понравилась всему свѣту, какъ знатнымъ, такъ и народу, и что никогда столь кстати не можно было ни къ чему приписать сихъ стиховъ изъ Горація.

Pri-

Primores populi arripuit, populumque tributim.
Язвилъ сатирою Вельможей и народъ.

Сія піеса имѣла безпримѣрный, и почти невѣроятный успѣхъ; все, что намъ разсказываютъ о чрезвычайныхъ дѣйствіяхъ древней музыки и трагедіяхъ, едва можетъ сравняться съ оною. Софоклъ и Еврипидъ меньше были извѣстны и не столь славны въ Греціи. Сія опера представлена была въ Лондонѣ шестьдесятъ три раза сряду, а слѣдующею зимою принялись за нее съ таковымъ же успѣхомъ: она играна была во всѣхъ главныхъ городахъ Англіи, и въ нѣкоторыхъ изъ оныхъ давали ее до сорока разъ, въ Батѣ и Бристолѣ до пятидесяти, и такъ далѣе. Изъ Англіи перешла она въ Шотландію и Ирландію, гдѣ ее представляли разъ по четырнатцати. Наконецъ была она и на островѣ Миноркѣ. Имя автора было тогда въ устахъ всего народа; знатныя женщины носили главныя аріи на своихъ веерахъ, и оныя написаны были на всѣхъ екранахъ. Актриса, играющая ролю Полли, бывши прежде совсѣмъ не извѣстна, сдѣлалась вдругъ

кумиромъ всего города; напечатанъ былъ ея портретъ, которой въ безчисленномъ множествѣ продавался; написана была ея жизнь, издано въ свѣтъ премножество книгъ, состоящихъ изъ стиховъ и писемъ къ ней; собирали даже и замысловатыя ея словца. Еще болѣе сего сія піэса изгнала тогда изъ Англіи Италіанскія оперы, истощевавшія тамъ лѣтъ съ десять всѣ похвалы, которыхъ славу обожаемый какъ отъ знатныхъ, такъ и отъ простаго народа, славный критикъ господинъ Дени, своими трудами и возраженіями во всю жизнь не могъ опровергнуть; но она изчезла отъ одного сочиненія Г. Ге. Сіе достопамятное приключеніе произошло въ 1728 году.

Скромность сего автора столь была велика, что онъ на каждомъ своемъ изданіи ставилъ: Nos haec novimus esse nihil, мы знаемъ, что это ничто. Докторъ Свифтъ, Деканъ С. Патриція, написалъ ему и оперѣ нищихъ апологію, въ своей книгѣ называемой Intelligencer, No III. Онъ примѣчаетъ, что „ хотя худой „ вкусъ

„ вкусъ и могъ возъимѣть верьхъ въ
„ Дублинѣ, гдѣ Г. Ге находился, но въ
„ Лондонѣ трудно было вообще понра-
„ виться великому числу, и принудить
„ молчать самыхъ порицателей. Я го-
„ ворю, (продолжаетъ онъ) то что мы
„ называемъ забавой, или увеселеніемъ
„ (humor) есть превосходнѣе разума,
„ когда оно соединяетъ въ себѣ полез-
„ ное и пріятное. И такъ я утверждаю,
„ что комедія, или шутка, или какъ за-
„ благо разсудятъ критики ее назвать,
„ именуемая опера нищихъ, ни съ чемъ
„ съ сей стороны несравненна, и что
„ сіе самое есть причина чрезвычайнаго
„ успѣха, которой имѣла она въ Ан-
„ гліи: Деканъ потомъ дѣлаетъ примѣ-
„ чаніе, что всѣ единодушно думали,
„ будто сія опера язвитъ придворныхъ
„ и государственныхъ Министровъ.
„ Правда, говоритъ онъ, что въ ща-
„ стіи господина Ге было что нибудь
„ особливое; ибо находясь при Дворѣ,
„ владѣя великими достоинствами, со-
„ единенными съ пріятнымъ обхожденi-
„ емъ и съ кроткимъ нравомъ, и имѣя
„ около пяти сотъ пріятелей и лест-
„ ныя надежды, со всѣмъ тѣмъ исчезъ;

„ а сіе сдѣлалось чрезъ весьма важную „ причину; ибо подозрѣвали его въ „ сочиненіи одного язвительнаго письма „ и сатиры на нѣкотораго великаго „ М . . . . которой наконецъ при- „ знался всенародно, что онъ точно „ знаетъ, что господинъ Ге не былъ „ авторомъ сей сатиры, но какъ его „ въ томъ уже винили, то и достоинъ „ онъ былъ наказанія; ибо въ столь „ просвѣщенномъ вѣкѣ, въ каковомъ мы „ живемъ, добродѣтели великаго М . . . „ должны быть столь мало подозрѣвае- „ мы, сколь цѣломудріе жены Цесаревой.

Надобно признаться, что опера нищихъ не первое было писаніе, которымъ господинъ Ге критиковалъ Дворъ. Не говоря о другихъ его сочиненіяхъ, басни его, приписанныя Герцогу Кумберландскому, показались весьма смѣлыми, за которыя и обѣщано было ему награжденіе.

„ Господинъ Ге, прибавляетъ Де- „ канъ, говоря о содержаніи оперы ни- „ щихъ, въ сей піесѣ изобразилъ со- „ всѣмъ новымъ слогомъ всякаго рода по-

„ пороки въ самомъ ясномъ и ужаснѣй-
„ шемъ видѣ, и оказалъ чрезъ то ве-
„ликую услугу какъ религіи, такъ и до-
„бродѣтели. Чрезъ что и пріобрѣла
„ она столь великой успѣхъ: люди
„ различныхъ партій, всякаго состоя-
„нія и всякихъ сектъ сходились тол-
„пами, чтобы видѣть сію оперу, или
„читали оную съ превеликимъ удоволь-
„ствіемъ. Сами государственные Ми-
„нистры, на которыхъ, какъ сказыва-
„ютъ, онъ наиболѣе всѣхъ цѣлилъ,
„часто бывали при представленіи сей
„піэсы, будучи внутренно увѣрены о
„своей невинности, и дабы убѣдить
„публику о несправедливости сего срав-
„ненія съ злостію, завистію и нена-
„вистью нѣкоторыхъ вельможъ. . . .
„Въ семъ щастливомъ плодѣ господина
„Ге, всѣ характеры весьма истинны; и
„нѣтъ ниодного, которой бы превосхо-
„дилъ натуральной, которой бы былъ
„чрезвычайно обремененъ, и которому
„не можно бы было пріискать подлинни-
„ка. Въ семъ сочиненіи обнажаетъ онъ
„всю систему сего водворившагося посре-
„ди насъ неправосудія, которое подвер-
„гаетъ какъ нашу жизнь, такъ и имѣ-

„ніе

„ніе въ опасность на большихъ доро-
„гахъ, въ публичныхъ собраніяхъ, и въ
„самыхъ нашихъ домахъ; онъ показы-
„ваетъ въ ономъ бѣдную жизнь и по-
„стоянный рокъ сихъ преступниковъ;
„изображаетъ также подлую мзду, за
„которую продаютъ они и животъ свой
„и свою душу, будучи преданы своими
„женами, своими товарищами, своими
„укрывателями, или подкупателями.
„Сія комедія содержитъ также сати-
„ру, которая и не касается до на-
„шихъ временъ, однакожъ могла быть
„весьма полезна въ прошедшіе вѣки, и
„имѣла бы свою пользу въ предбуду-
„щіе. Я говорю о томъ мѣстѣ, гдѣ
„авторъ беретъ случай къ сравненію
„сихъ обыкновенныхъ воровъ, и раз-
„ныхъ хитростей, кои они употреб-
„ляютъ, дабы себѣ измѣнить, себя
„обмануть и погубить другъ друга,
„съ происками и лукавствами полити-
„ковъ испорченныхъ временъ. Ко-
„медія сія насмѣхается также весьма
„справедливо глупому нашему къ Ита-
„ліанской музыкѣ вкусу, которой ни-
„какъ не пристоенъ ни нашему сѣвер-
„ному климату, ни нашему народу, и

„ко-

„ которой ввергаетъ насъ въ нѣгу и
„ исполняетъ лживыми Италіанскими
„ мыслями. . . . Наконецъ сказать
„ должно, что одна только раболѣп-
„ ствующая привязанность къ нѣкото-
„ рой партіи, смѣшное притворство,
„ бѣдное безумство, глупая ревность,
„ или умышленное лицемѣріе можетъ
„ справедливо опровергать сію изящ-
„ ную нравоучительную піэсу славнаго
„ господина Ге. „

Въ скоромъ времени послѣ того выдалъ онъ въ свѣтъ другую оперу, называемую Полли, которая назначена была служить продолженіемъ оперы нищихъ; но великій Канцлеръ не позволилъ, чтобъ ее играли, хотя уже все было готово къ пробѣ. Въ предисловіи сей оперы, напечатанной въ Лондонѣ въ 1729 году въ 4 съ великимъ числомъ подписавшихся, господинъ Ге вступаетъ въ весьма пространное обстоятельство всего сего дѣла; онъ увѣдомляетъ, что въ четвертокъ 12 Декабря 1728 года получилъ онъ отъ его высокомочія отвѣтъ, касательной до его оперы, что запрещается представленіе оной, и повелѣ-

велѣвается, дабы она была уничтожена.
„ Вотъ что было мнѣ сказано, приба-
„ вляетъ онъ, главными словами, не
„ объявивъ мнѣ никакой причины, и
„ не обвинивъ меня ни въ какой особ-
„ ливой погрѣшности. Послѣ сего за-
„ прещенія сказано было мнѣ, что о-
„ суждали меня вообще за то, будто
„ бы я писалъ многія язвительныя
„ письма противъ правительства, и
„ издавалъ мятежныя сочиненьица.
„ Какъ главное мое честолюбіе, естьли
„ могу употребить здѣсь сіе слово,
„ состояло только въ томъ, чтобъ
„ весть жизнь непорочную и тихую, то
„ и не нашелъ я за нужное оправдать
„ себя въ такомъ подозрѣніи, ненавидя
„ завсегда сей родъ сочиненій и ни-
„ когда ихъ не писавъ, весьма я увѣренъ,
„ что столь неосновательное злорѣ-
„ чіе почтутъ за правду только тѣ,
„ кои меня не знаютъ: но какъ сіи
„ пространныя оклеветанія разнеслись,
„ то и намѣренъ я всенародно открыть
„ мои мысли, объявляя съ точною
„ истинною, что я имѣю вѣрность и
„ привязанность къ блаженному учреж-
„ денію того государства, въ коемъ мы

„ жи-

„ живемъ, больше нежели тѣ, которые
„ имѣютъ первые чины, или кои по-
„ лучаютъ великіе пенсіоны; также
„ увѣдомился я, что охуждали меня
„ за то, будто включилъ въ сіе сочи-
„ неніе поносительныя рѣчи, клеве-
„ талъ на нѣкоторыхъ знатныхъ особъ,
„ и старался осмѣхать Его Величество,
„ и навлечь къ особѣ его презрѣніе. Я
„ почитаю всѣ сіи вымыслы несправе-
„ дливыми и неосновательными. Спер-
„ ва ни мало ими не безпокоился, но ви-
„ дя, что твердо въ томъ стояли, и что
„ разсѣвали нѣкоторыя мѣста, которыхъ
„ совсѣмъ не было въ томъ сочиненіи,
„ не могъ уже болѣе терпѣть, чтобъ
„ порочили меня столь несправедливыми
„ обносами. И такъ отказавшись отъ
„ всей прибыли, которую могъ бы я
„ получить выдавъ ее на театръ, ве-
„ лѣлъ ее напечатать: сіе извѣстіе,
„ думаю я, безъ сомнѣнія сдѣлаетъ че-
„ стнымъ людямъ удовольствіе, кои
„ поступали со мною столь благосклон-
„ но и учтиво, и кои меня столь хоро-
„ шо описали; но какъ совѣсть моя
„ за меня свидѣтельствуетъ, что
„ единственное мое желаніе состоя-

„ ло-

„ло только въ томъ, чтобъ яз-
„вить общественно нынѣшняго вкуса
„пороки, и заставить любить и по-
„читать добродѣтель, то и нахожу
„себя принужденнымъ для собственнаго
„своего оправданія выпустить въ свѣтъ
„мою оперу безъ всякаго отлагатель-
„ства, и точно такую, какую я ее
„написалъ.

Сверьхъ сочиненій господина Ге, о коихъ здѣсь говорили, находится много еще мѣлочныхъ твореній, какъ то еклогъ, епитръ сказокъ и проч. которыя всѣ находятся въ изданныхъ его сочиненіяхъ, напечатанныхъ въ Лондонѣ въ 1737 году въ двухъ томахъ въ 12 долю листа: онъ написалъ еще комедію, называемую Батская Женщина, которая представлена была въ 1715 году на Линъ-Кольнъ-инъ-Филдскомъ театрѣ; другую комедію, называемую три часа послѣ брака, надъ коею вмѣстѣ съ нимъ трудились двое изъ его пріятелей, оперу Ахиллесъ, которая играна была на Ковенъ Гарденскомъ театрѣ.

Господинъ Ге умеръ у Герцога Кенсбери въ Бурлингъ Гарденѣ жестокою

кою горячкою въ Декабрѣ 1732 года и погребенъ въ Вестминстерскомъ игуменствѣ, гдѣ Герцогъ и Герцогиня воздвигнули надъ нимъ великолѣпную гробницу, на коей высѣчена сія епитафія, сочиненная Господиномъ Попомъ, имѣвшимъ къ нему горячайшую дружбу.

„Будучи любезенъ по своему нра-
„ву, и умѣренъ въ своихъ склонностяхъ,
„ соединялъ Ге мужественной разумъ
„ съ дѣтскою простотою; естественная
„ веселость ограничивала въ немъ
„ страсть къ добродѣтели. Рожденный
„ для забавы и для исправленія сооте-
„ чественныхъ себѣ, превыше искуше-
„ нія въ посредственномъ состояніи,
„ твердъ посреди вельможъ; жизнь его
„ была безъ порицанія, смерть его о-
„ плакиваема, вотъ всѣ его достоин-
„ ства; образъ его не находится меж-
„ ду Героями и прахъ его не смѣшанъ
„ съ прахомъ Царей; но да скажетъ
„ воздохнувъ всякой прохожій: здѣсь
„ лежитъ Ге. „

Внизу сей надписи находится нижеслѣдующее:

Здѣсь лежитъ прахъ Іоакна Ге, ревностнѣйшаго друга, благодѣтельнѣйшаго изъ смертныхъ, которой сохранилъ свою вольность въ посредственномъ состояніи; твердость духа посреди вѣка развращенаго и спокойствіе ума, которое пріобрѣтается одною чистою совѣстью; во все теченіе своей жизни былъ любимцемъ музъ, которыя сами его научили познаніямъ. Онѣ чистили его вкусъ и украсили пріятностьми всѣ его дарованія. Въ разныхъ родахъ стихотворенія, превыше многихъ, не ниже никого. Сочиненія его внушаютъ безпрестанно то, чему училъ онъ своимъ примѣромъ, презрѣнію глупости, хотя она и украшена, ненависти къ порокамъ, сколь бы превознесены они ни были, почтенію къ добродѣтели, сколь бы ни была она нещастна.

Карлъ и Екатерина, Герцогъ съ Герцогинею Кенсбери, любившіе сего великаго мужа во время его жизни, проливая слезы о кончинѣ его, воздвигли въ память его сіе надгробіе.

БАСНИ

Господина Ге.

Вступленіе.

ПАСТЫРЬ и ФИЛОСОФЪ.

Пастырь, живши удаленно отъ городовъ, не подвергался тѣмъ заботамъ, которыя обременяютъ людей алчныхъ къ богатству: древность покрыла инеемъ его главу, а долговременное испытаніе сдѣлало его совершенно премудрымъ. Онъ во время лѣтняго зноя и зимы прилѣжно пасъ свои стада, пригонялъ ихъ въ ограду и вкушалъ сладость мирныхъ трудовъ своихъ: зависть и любочестіе совсѣмъ незнаемы были сему блаженному мужу, который чрезъ добродѣтели свои въ короткое время сдѣлался извѣстнымъ.

Нѣкоторый славной Философъ, почерпнувшей въ училищахъ правила моральной жизни, пришелъ навѣстить его хижину съ намѣреніемъ измѣрить пространство заключающагося въ немъ разума.

Откуда получено тобою знаніе, сказалъ онъ ему? Конечно просиживалъ ты цѣлыя ночи надъ книгами? — Обтекъ ли ты Римъ и древнюю Грецію? — Вѣсилъ ли разумъ Цицероновъ? проникнулъ ли въ чувствованія божественнаго Платона? отвѣтствуй мнѣ; разумной ли Сократъ очистилъ твою душу? или подобно мудрому *Улиссу*, вверженному противною ему судьбою въ неизвѣстныя земли, скитаясь во многихъ городахъ позналъ ты содержимые въ оныхъ законы, обыкновенія и нравы?

Пастырь отвѣтствовалъ съ скромностію: никогда не вступалъ я на стезю науки, и не путешествовалъ въ отдаленныхъ областяхъ для познанія человѣческаго рода, его законовъ и художествъ. Человѣкъ столь искусенъ въ лицемѣріи, что и самыя проницатель-

ныя

ныя очи обманываетъ; ахъ! возможноль, чтобъ такая наука могла прибавить намъ мудрости? мы не достигаемъ никогда до того, чтобъ намъ познать самимъ себя. Посредственныя искусства, мною пріобрѣтенныя, внушила мнѣ простая природа; изъ нее почерпнулъ я всѣ мои правила и вкоренившуюся въ сердце мое ненависть къ пороку.

Ежедневная работа пчелъ возбуждаетъ мою душу и поощряетъ ее къ упражненію. — Кто можетъ взирать на осторожнаго муравья, и не заботиться впередъ о будущемъ? Песъ мой, вѣрнѣйшій изъ всего своего рода; на исполняетъ меня благодарностію; прилѣжно примѣчая его ко мнѣ привязанность и послушность, стараюсь я ему служить также, какъ онъ мнѣ служитъ. Отъ голубицы получаю наставленіе въ брачномъ цѣломудріи и любви; курица и прочія птицы, распростирая спасительныя свои крылья надъ юными птенцами, дабы защитить ихъ отъ холода, довольно научаютъ меня должности родительской.

Природа показала мнѣ также убѣгать отъ небреженія и глумливой суетности; не язвлю я никогда ни высокомѣріемъ, ни тщетою; будутъ ли почитать важнаго и надмѣннаго человѣка за мудраго, когда пренебрегаютъ осанистую мрачность совы? Съ великимъ размышленіемъ измѣряю я то, о чемъ хочу говорить, тотъ, кто говоритъ много, говоритъ всегда тщетно; убѣгаю излишняго множества словъ: кто можетъ снесть пустое щепетанье сороки? Я не употребляю также беззаконнаго искусства для похищенія у ближняго имѣнія; мы ненавидимъ плотоядныхъ животныхъ, коршуны и волки справедливо заслуживаютъ пагубную свою судьбину. Не навлекаютъ ли на себя истиннаго омерзѣнія жабы и змѣи? но зависть, клевета и ненависть свободно изливаютъ лютѣйшій ядъ свой. И такъ всякая вещь можетъ подать намъ примѣры къ подражанію, и самомалѣйшіе предметы могутъ открыть добродѣтельному сердцу наставленія въ нравоученіи.

Ты стоишь отдаваемой тебѣ похвалы, отвѣтствовалъ Философъ: ты до-

добродѣтеленъ, и потому премудръ. Единое тщеславіе водитъ перомъ писателей, и книги въ нынѣшнее время такіежъ лицемѣры, какъ люди. Навыкающіе познанію естества утвердили свои правила на неколебимой истиннѣ, и сего единаго училища довольно, чтобъ внушить въ нравъ человѣка премудрость и милосердіе.

БАСНЬ I.

Лепъ, тигръ и путешественникъ.

Его Свѣтлости Вильгельму Герцогу Кумберландскому.

Юный Принцъ! удостой принять мое сочиненіе; изъ сихъ басенъ научись познанію человѣческаго рода; съ нынѣшняго времени сооруди въ сердце своемъ жилище добродѣтели, и поспѣши возненавидѣть прельщающія кривизны пороковъ. Гласъ истинны рѣдко проницаетъ слухъ Царей: съ сего самаго часа старайся презирать ласкательство; оно есть питатель беззаконія, котораго снисходительные и пріят-

ные упреки принимаются за истинную дружбу: дружба, сія добродѣтель, будучи навсегда отдалена отъ престола, не дерзаетъ вступать въ чертоги Царей; ибо ея вольность была бы тамо оскорбительна. Непрестанно въ оныхъ ласкательствуютъ особамъ Твоего достоинства. Долженъ ли я послѣдовать сему примѣру и изъ нравоученія производить одну только дѣтскую игрушку? . . . . Нѣтъ, муза моя весьма гнушается толпою ласкателей, которые обогащаются при Дворахъ самыми низкими увѣтливостями.

Но не долженъ ли я воздать справедливой похвалы Твоимъ достоинствамъ, и слѣдуя гласу всего народа Тебѣ оныя съ нимъ купно повторять? Не сокрою, что онъ въ нѣжнѣйшей Твоей внутренности уже примѣчаетъ добродѣтельно ліющуюся кровь, прекрасная Аврора Твоего разума открываетъ ему щедрое въ Тебѣ сердце, преисполненное благости и снисхожденія. Онъ всегда видитъ Тебя обращающаго сострадательный взоръ къ нещастнымъ и поспѣшающаго подавать имъ помощь: продолжай, Принцъ; достигни на самый

верьхъ

верьхъ славы, и не допусти, чтобъ цѣлый народъ остался въ тщетной надеждѣ. Днешнія Твои добродѣтели предсказываютъ о будущихъ въ совершенствѣ Твоего возраста; истинное мужество, воспламеняя Тебя и въ самыхъ мѣлкихъ дѣяніяхъ, покажетъ ясно, кто были Твои предки. Малыя души склонны къ жестокости; но великія любятъ прощать и почерпаютъ утѣшеніе свое въ спомоществованіи.

Ищущій добычи тигръ бросился на путешественника. Левъ, сіе примѣтя, устремился на тигра. Лѣса оглашались ужаснымъ ихъ рыканіемъ, кровь обагряла гнусныя ихъ челюсти и когти; но наконецъ задавленный великою силою тигръ палъ мертвъ на землю. Человѣкъ, стоя на колѣнахъ, униженно молилъ Царя лѣсовъ о дарованіи себѣ жизни. Сей великодушной герой не отринулъ его прошенія, и шествуя къ вертепу своему, говорилъ ему тако:

Кто бы былъ изъ звѣрей столь дерзокъ, чтобъ восхотѣлъ противостать моей несравненной силѣ? Ты видѣлъ сраженіе; признайся чистосердеч-

но, что я рожденъ владычествовать. Трепещущіе мои невольники, оставляя отечество, бѣгутъ отъ лица моего; одинъ я обладаю въ сихъ дремучихъ лѣсахъ. Кровью сильныхъ медвѣдей окроплено мое жилище; сіи окрестъ лежащіе трупы довольно показываютъ мои побѣды; костьми враговъ моихъ убѣлена земля; отъ крѣпкихъ моихъ челюстей воззри коликіе пали мертвецы!

Я видѣлъ твою силу, сказалъ человѣкъ; она должна устрашать всѣхъ звѣрей; но столь храбрый Государь, каковъ ты, можетъ ли утѣшаться кровопролитіемъ? Оставь однимъ разбойникамъ мерзкую жадность къ хищенію чужаго имѣнія, будь любимъ, и да утвердитъ правосудіе предѣлы твоего могущества. Опустошенныя государства, истребленнныя войски, приносятъ тщетную славу любочестивымъ Монархамъ: тиранны владычествуютъ, возбуждая ужасъ, а истинные Цари любовь и милосердіе. Тобою оказана мнѣ сія столь достойная престола добродѣтель, небо тебя на него вознесло для того, чтобъ ты, ему подражая, былъ отцемъ нещастныхъ.

Ты

Ты открываешь мнѣ глаза, сказалъ левъ. Нѣтъ! заблуждающая моя юность гналась токмо за пустымъ призракомъ славы; ползающіе предо мною плотоядные звѣри не умолкали въ своихъ ласкательствахъ: ты, ты говоришь благоразумно. Но отвѣтствуй мнѣ, другъ мой, не пресмыкался ли ты самъ когда при Дворахъ: гнусные мои льстецы единогласно представляютъ мнѣ, что многіе Монархи также какъ я владычествуютъ.

БАСНЬ II.

Постельная собачка и хамелеонъ.

Постельная собачка, воспитанная съ должною къ сыну любовію, наслаждалась пріятнѣйшимъ состояніемъ. Будучи безпрестанно нѣжена, ласкаема, не старалась она научиться ни какому другому искусству, какъ только нравиться. Лай и мѣлкія ея игрушки снискивали ей всякой день большую милость отъ ея госпожи; за всякую рѣзвость осыпали ее множествомъ похвалъ; и сколь угодны были ласки ея!

Въ одно утро при весьма хорошей погодѣ любимица вздумала выпти прогуляться: бѣгая по зеленому ковру, дѣлала она сто различныхъ кувырканьевъ и скочковъ: вдругъ видитъ близь себя хамалеона, который едва отъ травы различался. Тебя нахожу я между пастухами, сказала она ему, тебя, образецъ ласкателей! твой разумъ здѣсь исчезнетъ, пожалуй повѣрь мнѣ, возвратись въ городъ; тамъ только, а особливо при Дворѣ, можешь ты сдѣлать свое щастiе: мнѣ довольно сiи мѣста извѣстны, клянусь тебѣ, что тамо совершенной успѣхъ увѣнчаетъ твои способности.

Прiятельница, сказалъ хамелеонъ! мнѣ прежде былъ извѣстенъ столькожъ, какъ и тебѣ, родъ учтивой и прiятной жизни. Воспитанный среди чертоговъ овладѣлъ я искусно ухомъ Государя, и мой таинственный языкъ всегда изощренъ былъ въ искушенiи. Я проникъ въ самыя глубины придворныхъ сердецъ, читалъ въ нихъ господствующiя страсти, и слѣдуя модѣ, столь хитросшно ласкалъ порокамъ, что и сами женщины похваляли остро-

ту

шу моего разума. Но Юпитеръ, проницающій сокровенная, ненавидящій увертливость коварства, и жестоко наказующій то, что люди награждаютъ, въ одну минуту опровергъ мое блаженство, и осудилъ меня такимъ образомъ ползать въ мрачномъ и низкомъ состояніи. Съ того самаго времени пресмыкаюсь я по симъ полямъ; весьма различное состояніе отъ твоего! по крайней мѣрѣ ты всякой день вкушаешь пищу съ людьми; а я принужденъ питаться самыми тонкими ѣствами, такъ какъ и тѣ, которымъ я ласкалъ, живу однимъ воздухомъ.

БАСНЬ III.

Мать, кормилица и волшебница.

Просятъ у небесъ сына, и бываютъ въ величайшемъ удовольствіи, когда оныя внемлютъ ихъ моленію. Толикую красоту, толикую остроту разума находятъ въ рожденіи своемъ заблуждающіе взоры родителей, коликой не имѣлъ еще ни одинъ младенецъ!

Про-

Пробужденная любовію мать вспала при самомъ разсвѣтѣ, чтобъ отнесть своему сыну попеченія, которыя составляли все ея утѣшеніе; видитъ растрепанную и рыдающую кормилицу: что съ тобой сдѣлалось, сказала она? какое приключилось нещастіе? Скажи кормилица; мнѣ кажется сынъ мой здоровъ.

Ахъ сударыня, отвѣтствовала она! не укоряйте меня: могла ли я его спасти отъ рукъ волшебницы? Дитя ваше похищено, а другое положено на его мѣсто. Посмотрите, тѣ ли это уста и отцовъ ли это носъ? Ваши ли это черные глазки? Какой отвратительный и гнусный видъ, котораго каждая черта представляетъ безумца!

О слѣпота родительницы! въ самое сіе время мать говорила внутренно: о прелестное дитя! какой разумъ блистаетъ въ твоихъ очахъ! Какой косой взглядъ, вскричала кормилица! не сомнѣвайтесь болѣе, волшебница приходила.

Едва кончила она слова, какъ духъ Пигмея (это было имя волшебницы) бы-

быстрѣе молніи влетѣлъ въ скважину замка, и сѣвъ на колыбель упрекалъ простодушную и суевѣрную крестьянку.

Вы насъ обвиняете, будто бы наполняемъ мы міръ дураками. Кто могъ вселить въ васъ столь грубую ложь? Не ужъ ли ты думаешь, что мы мѣняемъ рожденныхъ нами на глупыхъ дѣтей человѣческихъ? Вѣрь мнѣ, мы столькожъ чадолюбивы, какъ и вы. Виданоль когда нибудь, чтобъ мать своего сына, хотябъ онъ былъ скареденъ и глупъ, отдала за чужаго? По справедливости можнобъ было назвать насъ безумными, естьлибъ мы клали своихъ на мѣсто вашихъ.

БАСНЬ IV.

Орелъ и собраніе животныхъ.

Въ то время, когда великой Юпитеръ предъ которымъ всякое существо предстоитъ со страхомъ, разсматривалъ строеніе сего малаго плавающаго въ воздухѣ земнаго шара, нѣкоторый мятежный вопль достигъ до самаго его пре-

престола: всякое созданіе жаловалось, что судьба возложила на него тяжкое бремя жизни.

Юпитерѣ призываетѣ своего орла, онѣ является, получаетѣ повелѣнія, и быстро паря сѣ высоты на землю, обѣявляетѣ мятежникамѣ волю Царя своего.

Неблагодарные, сказалѣ онѣ! по что ропшаніе ваше оскорбляетѣ небо? Законы Юпитера истинны; о чемѣ же можете вы приносить жалобы? Пусть каждый изѣ васѣ изѣяснится, и прежде всѣхѣ гончая собака должна говорить.

Мое состояніе, сказала она, несносно. Сѣ какою рѣзвостію скачетѣ борзая! а я напротивѣ медленными и тѣсными стезями обтекаю поля и долины; при восхожденіи солнца начинаю я труды мои и оканчиваю ихѣ сѣ его захожденіемѣ.

Естьли я скачу, говорила борзая, то не всегда бываю увѣрена вѣ моей добычѣ; она часто или потеряна, или похи-

похищена предЪ глазами, и спасается, лишь только то что ускользнетЪ изЪ моего зрѣнія. Неоспоримо, что гончая не проворна, но ловЪ ея всегда надежнѣе. КогдабЪ естество даровало мнѣ сильное ея обоняніе, то Юпитер не слыхалЪ бы никогда отЪ меня жалобы.

ЛевЪ просилЪ себѣ хитрости и пронырства лисицына; лисица желала имѣть силу и мужество львово, пѣтухЪ хотѣлЪ быстрыхЪ и неутомимыхЪ крылЪ голубя; а сей, презирая способность оныхЪ, выхвалялЪ безстрашіе пѣтуха. Рыбы желали пастися на лугахЪ, а четвероногія плавать подЪ волнами: и такЪ завидуя всякой жребію другаго, негодовали на судьбу, обвиняя ее несправедливостію и слѣпотою.

Правитель небесЪ, сказалЪ имЪ орелЪ, отвергаетЪ безумныя ваши прозьбы, и повелѣваетЪ вамЪ всѣмЪ разойтися. Отвѣтствуйте мнѣ дерзновенные: хотѣлиль бы вы, премѣня естество, и имя сдѣлаться предметами зависти для всего творенія? Всѣ вы молчите. Возвратитесь назадЪ, живите

вите спокойно и вы будете щастливы: не слѣдуйте подлой зависти, безумному легкомыслію и честолюбію человѣковъ.

БАСНЬ V.

Вепрь и баранъ.

Зарѣзанная овца висѣла на деревѣ; мясникъ еще держалъ въ рукахъ окровавленный ножъ, а оставшее стадо, пораженное ужасомъ, въ трепетѣ взирало на сіе позорище. Вепрь, проходя мимо сихъ овецъ, упрекалъ ихъ слѣдующими словами:

Снося подобное вашему рабство, сколь подлое и низкое должно имѣть сердце! взглянитe на убійцу своего и на держимое имъ обагренное еще курящеюся вашею кровію орудіе, посмотрите, какъ онъ деретъ кожу съ подруги вашей. Пораженные отцы, умирающія матери и испускающіе послѣднее блѣяніе неповинные братья ваши просятъ объ отмщеніи. О безумный родъ! сколь малодушны тѣ, которые неищутъ сладости въ отплатѣ за злодѣянія!

Мы

Мы незлобны, я согласенъ съ твоими словами, отвѣтствовалъ вепрю престарѣлой баранъ; однако не думай, чтобъ мы были нечувствительны къ оказываемому намъ оскорбленію; повторяемыя обиды не возбуждаютъ въ насъ свирѣпости, потому что не имѣемъ мы ни клыковъ твоихъ, ни силы. Но однако знай, глупый порицатель, мы также ощущаемъ удовольствіе отъ мести. *Утѣшающіяся* притѣсненіемъ находятъ въ самомъ услажденіи достойное себѣ наказаніе. *Ужасныя* казни, истребляющія человѣчество, удовлетворяютъ за неповинно ліющуюся нашу кровь; кожа наша служитъ къ вѣчному храненію судебныхъ ябедъ и пронырствъ, и возбуждаетъ въ сердцахъ людей звѣрское сумазбродство къ войнѣ. Мы почитаемъ себя совершенно отмщенными съ тѣхъ поръ, когда изобрѣтены барабаны и пергамины.

БАСНЬ VI.

Скупой и Плутусъ.

Жестокій вѣтръ потрясъ окнами скупаго. Онъ дрожа просыпается, встаетъ съ постели, осматривается, ходитъ, назадъ возвращается, обѣгаетъ весь покой, оглядываетъ каждый замокъ, и съ трепетомъ производитъ примѣчательные поиски; наконецъ открываетъ сундукъ, въ которомъ хранится обожаемое имъ сокровище, и останавливается въ пріятномъ восхищеніи, кидая жадный взоръ на свое злато. Вдругъ объятый новымъ безпокойствомъ колеблется, поражаетъ себя въ грудь, глаза его заблуждаютъ и угрызенія совѣсти исторгаютъ изъ души его чистое признаніе въ преступленіи.

Ежели бы оставили сіи сокровища, сказалъ онъ, въ нѣдрахъ земли, то наслаждалсябъ я тишиною духа: добродѣтель вездѣ продается. Великіе Боги! какая цѣна можетъ наградить тѣ злоключенія, которыя производитъ порокъ? Горестный ядъ, опасная приманка! можно ли тому быть, о весьма слабый

слабый человѣкъ! все, что ни покрываетъ тебя славою, все подвержено тлѣнности! злато истребляетъ изъ души честь, едва оставляя тѣнь ея: отъ злата раждаются всѣ нещастія; алчность къ злату научила изобрѣсти мечь; такая же алчность, обитая въ подлыхъ сердцахъ, влечетъ ихъ къ измѣнѣ. Но кто можетъ счесть всѣ бѣды, которымъ злато причиною? Нѣтъ, оно не оставило на земли ни единой добродѣтели.

Онъ произносилъ сіе рыдая, Плутусъ является, скупой трясется, запираетъ свой сундукъ, а раздраженный Богъ говоритъ ему сими словами: нещастный! что могло произвесть въ тебѣ столь гнусное и неблагодарное неистовство? Сколь много признаю я въ твоей рѣчи, что ты изъ тѣхъ подлыхъ людей, въ которыхъ изобиліе и пышность обнажили ихъ гнусныя качества! и такъ, недостойный, не думаешь ли ты, что я порчу человѣческій родъ? Не сердце ли твое, терзаемое скупостію, одно въ томъ виновно? Какъ! для того, что порочный во зло употребляетъ дары мои, меня оскорбля-

 ютъ

ютъ хулою! не сокрываютъ ли себя беззаконники одеждою добродѣтели, чтобъ въ ней удобнѣе простирать свои обманы въ обществѣ? Могущество и власть не обращаются ли въ ихъ рукахъ, какъ орудія тиранства? Когда бездѣльники наполняютъ сундуки свои, тогда душа ихъ надмевается гордостію и безстыдствомъ, бывая жилищемъ ужаснѣйшимъ порокамъ: напротивъ того злато, врученное неповинному, столь же плодоносное, какъ благотворящая роса: подобно самому небу облегчаетъ стонъ сиротъ и отираетъ слезы вдовицъ. Скаредные люди, которыхъ сердце совсѣмъ поработилось корыстолюбію, дерзаютъ приписывать всѣ свои гнусности богатству! и такъ убійцы могутъ укорять мечь во всей пролiянной ими крови!

БАСНЬ VII.

Левъ, лисица и гуси.

Льву наскучило правительствовать, и тягостны стали тѣ труды, которые величество налагаетъ. Онъ возна-

вознамѣрился оставить дворъ и удалиться отъ заботъ и попеченія, чтобъ препроводить остатки своей жизни въ покоѣ.

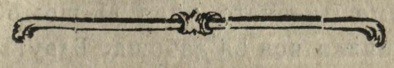
Воля его обнародована, день назначенъ и созванъ совѣтъ для избранія намѣстника; предводитель лисицъ удостоенъ былъ симъ саномъ. Тотчасъ все собраніе падаетъ ницъ предъ новымъ своимъ владыкою: самые сильнѣйшіе тигры и медвѣди одинъ предъ другимъ напрерывъ униженно стараются изгибаться. Въ сіе время лисица пріемлетъ мудрый и кроткій взоръ; всѣ удивляются ея разуму, превозносятъ искусство ея въ совѣтахъ: каждое слово, изъ устъ ея изшедшее, пріобрѣтаетъ силу и важность; всѣ льстецы стараются развернуться предъ нею въ своемъ искусствѣ. Ахъ! да и остается ли какой либо пень безъ жертвоприношенія, какъ скоро его озлащаютъ? Нѣкоторая лукавѣйшая лисица, протѣснившись сквозь сію раболѣпствующую толпу и доступя къ трону, привѣтствовала Государя своего слѣдующимъ словомъ:

Сколь много имѣетъ новый нашъ Государь купно соединенныхъ превосходныхъ дарованій! будучи назначенъ отъ рожденія къ престолу, и наставленъ самою добродѣтелью, коликимъ снисхожденіемъ, коликимъ милосердіемъ ограничитъ онъ свое могущество; сколь непорочны его поведеніе и намѣренія! Хищеніе при немъ всюды престанетъ: разумъ его изобилуетъ въ неизмѣримыхъ изобрѣтеніяхъ; милость и предосторожность суть правила души его! коликаго благоденствія долженъ ожидать народъ при столь мудромъ владычествѣ!

Когда окончила лисица свою рѣчь, тогда одинъ неимовѣрный гусь, стоя близь ея говорилъ товарищамъ своимъ: лишь послышу я восписуемыя похвалы плуту, то тотчасъ удаляюсь отъ пріятеля, соплѣтающаго ему ласкательства. Сколь велелѣпна сія похвала! но ее произносила лисица. Пускай сіи господа выхваляютъ будущее правленіе, пускай называютъ его кроткимъ, цвѣтущимъ и разумнымъ; безъ сомнѣнія для нихъ оно и будетъ таковымъ, но однимъ намъ угрожаетъ

тя-

тягость тиранства; мы будемъ всѣ истреблены. Послѣдніе прихлѣбатели, чтобъ сдѣлаться животнымъ по модѣ, и доказать хорошей свой вкусъ, будутъ пожирать денно и нощно бѣдныхъ гусей.

БАСНЬ VIII.

Дѣвица и оса.

Какое скучное жужжаніе часто обезпокоиваетъ красавицъ! и сколько надоѣдаютъ имъ различныя шалости! во всѣхъ мѣстахъ, гдѣ блистаетъ красота, увивается около ее наглость. Естьлибъ были не пріятны сіи низкія и вздорныя докуки, тобъ одинъ строгой взоръ, одно презрительное тѣлодвиженіе прогоняло неотвязныхъ: самой легкой взмахъ избавляетъ отъ мухи. Но кто можетъ такимъ же образомъ удалить толпу щеголей? Лишь только прогонишь одного изъ нихъ, то другой тогдажъ заступаетъ его мѣсто. Необходимо нужно глупцу показывать себѣ подобнаго, и повѣсѣ представлять на мѣсто

свое другаго шалуна. По справедливости терпятъ оскорбленіе, когда благосклонно слушаютъ изъ нихъ перваго.

Дориса, сидя за туалетомъ иногда въ задумчивости, иногда въ удовольствіи, размышляла о красотѣ своей. Во время дневнаго зноя въ томъ только состояла вся ея забота. Вдругъ сумазбродная оса влетѣла къ ней съ пронзительнымъ жужжаніемъ; сія дерзская то приближается, то отдаляется, и вьясь около шеи, угрожаетъ своимъ жаломъ. Тщетно вѣеръ Дорисы защищаетъ ее, несѣкомое мгновенно возвращается назадъ, чтобъ сдѣлать новое безпокойство; отмахиваніе умножаетъ его смѣлость: наконецъ сѣвши на прелестныя уста обоняетъ оно ароматы.

Великіе Боги! избавьте меня отъ сихъ несносныхъ мухъ: изъ всѣхъ небомъ произведенныхъ тварей сіи суть самыя дерзскія.

За что меня уничтожать отвѣтствовала оса жалостнымъ голосомъ? за что ругать меня съ такимъ презрѣніемъ? Прекрасная Дориса! сія малая

лая смѣлость моя достойна ли вашего гнѣва? Одни твои прелести тому причиною. Эти уста имѣютъ превосходный видъ вишни, пріятный запахъ розы, и сей непорочный цвѣтъ, украшающій щечки твои, вложилъ въ меня мнѣніе, что я вижу самый прекраснѣйшій персикъ изъ всѣхъ въ свѣтѣ находящихся.

Лизета, вскричала Дориса! не тронь ее, не бей осъ, такъ какъ другихъ мухъ. Признаюсь, сія довольно оказала дерзости; однако она есть несѣкомое нѣжное и учтивое: я ей прощаю.

Оса довольна, будучи удачливымъ успѣхомъ своего вымысла, хвасталась повсюду, что она пьетъ съ Дорисой сладчайшій чай, и утверждая, рѣчи свои показывала оставшейся на губахъ сахаръ.

Сіе извѣстіе потрясло весь шумящій рой: увѣренныя о успѣхѣ полетѣли къ красавицѣ, желая быть участницами столь пріятныхъ утренних лакомствъ. Нѣкоторыя толпятся около

ея съ своими пѣснями, другія останавливаются неподвижно, потомъ поднимаясь вверьхъ, опускаются чтобъ рѣзвиться на нѣжной груди ея: словомъ, всѣ онѣ были терпимы до тѣхъ поръ, покуда примѣтила Дориса, что осы имѣютъ такое жало, которое уязвляетъ.

БАСНЬ IX.

Быкъ и меделянская собака.

Естьли ты ощущаешь истинную нѣжность прямаго родителя, и желаешь дать доброе воспитаніе своему сыну, приложи къ оному всѣ свои труды, и прежде нежели отдашь его въ чужія руки, узнай совершенно сердце избираемаго тобою надзирателя. Разсмотри его достоинство, нравы и поступки: въ сихъ рачительныхъ попеченіяхъ заключается вѣрный успѣхъ твоего желанія.

Быкъ мирно владѣлъ испещренною цвѣтами долиною, мимо которой проходя меделянская собака наполнилась бѣшенствомъ, глаза ея сверкаютъ, пѣна

пѣна течетъ изъ челюстей, и она горитъ алчбою крови.

Монархъ, ступая по землѣ величественными шагами останавливается, говоря ей возвышеннымъ голосомъ: повѣрь мнѣ, удались сраженія и почивай нынѣшнюю ночь покойно въ неповрежденной своей кожѣ; или отвѣтствуй и объяви, что причина твоего неистовства. Для чего вступаешь ты со мною въ незаконное ратоборство? Любочестіе ли тебя къ сему возбуждаетъ, или ненасытимое корыстолюбіе?

Любовь къ славѣ, сказала безстыдная собака. Я подобно безсмертнымъ героямъ, воспѣваемымъ стихотворцами, сражаюсь для единой побѣды. Кровожаждущій мясникъ съ самой юности пріучилъ меня къ вседневнымъ поединкамъ: рожденная къ мужественнымъ подвигамъ ищу я торжества, или смерти.

Мерзкій песъ, отвѣчалъ быкъ! стервененіе твое теперь не удивляетъ меня болѣе. Воспитана бывши варваромъ, посреди крови и смертоубійствъ, должна ты жадать оныхъ: сверши

свою

свою судьбину. Онъ, потупя голову, устремился на нее, подхватилъ на рога и вскинулъ вверьхъ; прободенный песъ упалъ на землю завизжалъ и окончилъ жизнь свою.

БАСНЬ X.

Слонъ и книгопродавецъ.

Неутруждаемые путешественники, объѣзжая отдаленныя области и неизвѣстныя моря, насыщаютъ свое зрѣніе тысящію диковинъ, описуя въ сочиненіяхъ своихъ множество такихъ звѣрей, которые Адаму совсѣмъ были незнакомы. Сколько басенъ они намъ сплѣтаютъ, когда не опасаются противорѣчія! однако все, что насъ приводитъ въ удивленіе, хотя и чудесно, но можетъ имѣть свое бытіе. На примѣръ: нельзя сомнѣваться въ особливыхъ достоинствахъ слоновъ. Борри далъ намъ понятіе о великомъ ихъ разумѣ, и о глубокомъ пространствѣ знанія въ художествахъ и наукахъ. Онъ говоритъ, съ какою точностію хра-

хранятся между ими законы их земли, и дает знать, что чрез то не допускают они общество свое до издержек на палача. Сверьх того утверждает, что сіи животные способны к самым глубочайшим наукам и могут изучать чужеземные языки. Ежели который читатель пожелает извѣститься, откуда почерпнуты знанія о сих чудесностях, может удовольствовать любопытство свое от испытателей естества. От них узнает он, что род слонов во всякое время считался ученѣйшим и что нѣт на земли ни одной былинки, ни одного камышка, которых свойства былиб им неизвѣстны. Да и кто в нынѣшнее время может лучше их читать по Гречески?

В один день нѣкоторый из сих важных Професоров разсматривал книжную лавку, не с таким побужденіем, как нынѣшняго вѣка любители письмен, кои ищут одних только романов, кратких повѣстей и мѣлких стишков с золотым обрѣзом и в хорошем переплетѣ. Старая обточенная червями книга между прочи-

прочими показалась достойною его любопытства. Она содержала истинное изображенie всѣхъ извѣстныхъ животныхъ, съ подробнымъ ихъ описанiемъ, слѣдуя самой природѣ; въ ней были изъяснены качества ихъ и свойства, но съ сроднымъ человѣчеству высокомѣрiемъ. Животное наше, съ прилѣжностiю прочитавъ нѣсколько листовъ, сдѣлало подобныя слѣдующему примѣчанiя:

„ Разумъ, говоритъ издатель сей „ книги, есть удѣлъ человѣческiй, а „ животныя едва имѣютъ слабое при„ родное побужденie „. Но разсмотримъ внутреннее достоинство сего писателя. Primo, сочиненie его показываетъ, что ни разумъ, ни природа не были въ немъ путеводителями, заключающееся въономъ пристрастiе ясно противу его свидѣтельствуетъ, доказывая, что онъ не зналъ даже и собственнаго своего бытiя; однако видно былъ предувѣренъ о искусствѣ своемъ въ познанiи другихъ тварей. Сколь худо описана имъ постельная собачка. „ Отъ нее-то, говоритъ онъ, „ изучился человѣкъ ласкательству; и

„ нѣтъ другаго животнаго, болѣе ея „ искуснаго въ пронырствѣ, въ ней „ естество хотѣло начертать изо„ браженіе льстеца„. Научитесь несправедливые люди при дворѣ и признайтесь, что и постельная собачка сама можетъ быть тамо наставлена. Какъ! вы удивляетесь лукавству лисицы! но сколько бы и она пріобрѣла совершенствѣ отъ статскихъ и придворныхъ людей! вы говорите, что имѣете омерзѣніе ко львамъ, тиграмъ и волкамъ, такъ какъ къ кровожаждущимъ животнымъ; но человѣкъ не есть ли добыча другаго человѣка? Сіи звѣри, коихъ вы ненавидите, терзаютъ и умерщвляютъ тогда только, когда гладъ ихъ къ тому побуждаетъ, а вы убиваете тогда, какъ скоро вамъ платятъ за злодѣйство.

Книгопродавецъ, слушая его слова, и видя переворачиваемые имъ листы Греческой книги, думалъ, что сыскалъ въ немъ сокровище; ученѣйшій господинъ, сказалъ онъ ему, поклонясь весьма низко: естьли вы изволите имѣть намѣреніе сочинить какую нибудь сатиру на людей, или выдать намъ исторію

рію о Сіамѣ, то ни отъ кого изъ моихъ собратій не будете вы столь щедро заплачены, какъ отъ меня; а при глубокомъ ученіи вашемъ, чтобъ послѣдовать модѣ, совѣтую писать противъ вѣры.

Тогда сморща хоботъ, съ насмѣшливою улыбкою отвѣчалъ слонъ: другъ мой! ты мнѣ кажешся пьянъ. Побереги свои деньги и будь умнѣе. Оставь людямъ осуждать себѣ подобныхъ, и повѣрь мнѣ, что ты никогда не будешь имѣть недостатка въ писателяхъ; они сами къ тебѣ явятся: зависть производитъ сильнѣйшія побужденія, нежели самая корысть. Вѣдай, что злобной сочинитель не пощадитъ и единоутробнаго брата: всѣ щеголеватые умники подобны между собою дерущимся пѣтухамъ.

БАСНЬ XI.

Павлинъ, Индѣйской пѣтухъ и гусь.

Какъ небольшее пятнышко бываетъ на снѣгу примѣтно: такъ и въ прекра-

сной вещи малѣйшие недостатки поражаютъ нашъ взоръ.

Павлинъ, побуждаемъ голодомъ, пришелъ къ житницѣ, чтобъ при ней съ другими домашними птицами получить пищу: они всѣ глядѣли на него завистливыми глазами. Гусяты, цыпляты, индѣяты насмѣхались его походкѣ, находя въ ней принужденіе и притворство. Но павлинъ, внутренно увѣренный о превосходствѣ своихъ качествъ, презирая укоризны ихъ, выступалъ гордыми шагами, и распускалъ предъ солнцемъ блестящій свой хвостъ. Разновидныя окружія его перьевъ ослѣпляли и посрамляли всѣхъ порицателей, которыхъ языки горѣли нетерпѣливостію къ злорѣчію, и зависть влагала въ сердца ихъ злобное ненавидѣніе.

Наконецъ Индѣйскій пѣтухъ, не имѣя больще силы терпѣть, вскричалъ: съ какою пышностію онъ кабенится, можно ли видя его воздержаться отъ смѣха? и есть ли изъ птицъ въ тщеславіи ему подобная? Но скажите мнѣ,

 чѣмъ

чѣмъ онъ превозносится? Естьли бы хотѣли разсмотрѣть внутренния наши достоинства, то тѣло пѣтуховъ и куръ Индѣйскихъ въ бѣлизнѣ гораздо превосходнѣе его тѣла. Такимъ-то образомъ осуждало павлина все индѣйское стадо. Къ чему и престарѣлый гусакъ присоединилъ гнуся свои укоризны. Какія дурныя ноги! какія мерзскія когти! я не говорю уже о мѣлкихъ недостаткахъ; но какой дикой крикъ, такъ что и самыя совы его страшатся.

Вы разсуждаете справедливо, сказалъ имъ павлинъ; то, что вы во мнѣ порицаете, суть истинные недостатки: по праведной причинѣ презираете вы мой крикъ и мои ноги. Но слѣпая и пристрастная критика столь же безумна, сколь суетна. Всякой, слыша рѣчи ваши скажетъ, что вы не видите хвоста моего. Индѣйскіе пѣтухи и гуси подобныя моимъ имѣютъ ноги, которыя теперь главный предметъ того, что у меня хулится; а крикъ и тѣхъ и другихъ гораздо грубѣе моего; но приходило ли кому на мысль тѣмъ ихъ поносить?

Всѣ

Всѣ подлые исполненные завистію люди, закрываютъ глаза свои отъ поражающаго ихъ изящества, и отворяютъ оные только для того, чтобъ примѣчать въ другихъ недостатки. Прекрасная и стройная дѣвица не можетъ показаться въ собраніи не произведя зависти во всѣхъ тѣхъ, которыхъ она красотою превосходитъ; и тамо слышны тогда одни только тайные про нее перешепты и грусные стоны постыдной клеветы.

БАСНЬ XII.

Богъ любви, Гименей и Плутусъ.

Въ нѣкоторый день Богъ любви, присутствуя въ Цитерскомъ лѣску, забавлялся различными упражненіями Купидоновъ. Одни изъ нихъ направляли его лукъ, навязывали на него тетиву, другіе приготовляли ему калчанъ, перьями изъ крылъ своихъ украшая совокупленныя стрѣлы, и вооружая ихъ златыми ядовитыми копьецами.

ВЪ то время, какЪ они прилѣжно занимались трудами, Гименей явился посреди ихЪ, и обратясь кЪ Богу любви говорилЪ, сЪ тщеславнымЪ и высокоумнымЪ видомЪ. Плутишка, слѣпецЪ, не имѣющей искусства и разсудка, естьли ты не будешь сЪ лучшимЪ стараніемЪ соединять супруговЪ, то я сЪ сей же минуты отрекаюсь отЪ моей должности. Ежедневно присылаешь ты ко мнѣ людей столь различныхЪ нравовЪ, что мнѣ весьма стыдно ихЪ сочетавать, да и сами они удивляются своимЪ узамЪ; сущая бездѣлка производитЪ между ихЪ раздоры. МужЪ дѣлается задумчивЪ, подозрѣвающЪ, а жена вспыльчива, сварлива и не сносна. ОдинЪ требуетЪ почтенія и повиновенія, а другая вЪ противорѣчіи находитЪ собственную утѣху и не хочетЪ быть покорною: она старается поступать по своей волѣ, и слѣдовать своимЪ прихотямЪ, начинаетЪ быть вертопрашкой, а тотЪ ревнивцомЪ: оба ищутЪ избѣжать между собою встрѣчи. МужЪ предлагаетЪ разводЪ, и вЪ семЪ случаѣ вЪ первой разЪ видитЪ жену сЪ собою вЪ согласіи.

ВЪ

Въ какія дѣла вступалъ я когда нибудь съ тобою, отвѣтствовалъ Богъ любви? Стрѣлы мои всегда не тщетно летаютъ, но ты торгуешь только сребролюбивыми сердцами; союзы, отъ тебя утверждаемые ничто иное, какъ пища приказныхъ людей. Подписываю ли я когда нибудь брачные договоры? — Ежели тѣ, коихъ ты сопрягаешь, живутъ въ вѣчной ссорѣ, то упрекай въ томъ Плутуса, а не меня.

Въ самое то время Плутусъ предсталъ. Правда, сказалъ онъ, что корыстолюбіе бываетъ причиною всѣхъ браковъ, не ищутъ ни красоты, ни разума, ниже самой добродѣтели, и любовь рѣдко бываетъ къ тому предлогомъ. Ко мнѣ одному люди устремляютъ всѣ свои прошенія и я одинъ скрѣпляю обязательства ихъ. Смѣетъ ли Белинда жаловаться на свою судьбу, когда желала она однихъ только чиновъ? Дориса была довольно богата, но искала въ замужствѣ высокихъ титуловъ. Всякой человѣкъ, убогой и богатой, ищетъ одного золота, а болѣе ничего.

Скупость, подъ какимъ бы видомъ ни порабощала людей, однако всегда даетъ имъ чувствовать одинакія муки.

БАСНЬ XIII.

Молодой олень.

Молодой олень, проходя чрезъ густой лѣсъ, запутался въ вѣтвіяхъ древесныхъ. Крестьянинъ, увидя его удержаннаго, бросилъ на рога къ нему веревку, и завязавъ ее крѣпко, отвелъ плѣнника въ подарокъ къ своему господину. Онъ весьма тѣмъ былъ доволенъ, какъ и крестьянинъ, получивъ въ награжденіе червонецъ. Помѣщикъ послалъ оленя къ своей супругѣ; нѣжная Милади просила, чтобъ его не умерщвляли. Сколь гладка его шерсть! сказала она, такъ, что и горностай въ томъ ему уступаетъ. По справедливости не думаю я, чтобъ другое какое животное было столь прекрасно.

Тотчасъ пустили его въ скотной дворъ; сперьва бѣгалъ онъ отъ людей, но

но потомъ издалека поглядывалъ на нихъ съ удивленіемъ. Временно жевалъ онъ развѣшенное по веревкамъ бѣлье, а иногда кушивалъ передники и чепцы. Наконецъ ставъ гораздо смѣлѣе, гонялся за ребятишками, чтобъ отнимать у нихъ хлѣбъ; а дабы больше его доставать, бродилъ повсюду за слугами, и приближаясь такимъ образомъ всякой день, мало помалу осмѣлился принимать обыкновенныя ласки, и шаривалъ для себя пищи въ рукахъ каждаго; когда его отгоняли, то онъ защищался, стоялъ смѣло, бодался и игралъ людьми, которые прежде были причиною его страха.

Такъ точно видаемъ мы въ нашихъ городахъ молодую дѣвушку; она трепѣщетъ, потупляется, краснѣетъ, когда впервые смотритъ на молодаго воина. Стократно покушается она бѣжать; но вскорѣ послѣ того осмѣливается кидать на него робкіе свои взоры, а спустя нѣсколько ему что нибудь отвѣчать. Наконецъ весь страхъ исчезаетъ. Говоритъ она вольно и находитъ удовольствіе въ томъ чтобъ по-

вторять за нимъ любовныя рѣчи. Привычка излечаетъ робкія сердца отъ пужливости.

БАСНЬ XIV.

Знающая свѣтъ обезьяна.

Обезьяна, желая просвѣтить свою націю, вознамѣрилась путешествовать въ чужестранныя государства, чтобъ узнать обряды оныхъ. Люди, говорила она сама себѣ, объѣзжая отдаленныя области привозятъ съ собою заимствуемыя тамо хорошія поступки, и для славнаго предпріятія подвергаютъ они себя многимъ опасностямъ и трудамъ. Разумъ часто причиняетъ нещастія.

Мартышка, будучи наполнена такими воображеніями, отправилась въ путь свой. На дорогѣ попалася она въ обманчивую западню, была изъ нее вынута и отведена для продажи въ ближній городъ. Но сколь завидна была ея судбина! темницею себѣ имѣла она

она покои Маркизы. Гордясь симъ плѣномъ, такъ какъ любовникъ своими цѣпями, пріобрѣтала она ежедневно новыя милости отъ госпожи своей. Присутствуя во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ совершались важныя таинства уборовъ, забавляла она Маркизу своимъ коверканьемъ, завивала прекрасные ея волосы, распускала вѣеръ и имъ обмахивала. Достоинства и разумъ сего животнаго надежно блистали и были превозносимы похвалами во всѣхъ собраніяхъ въ то время, когда разговоръ о другихъ вещахъ становился скучнымъ. Наконецъ отъ толикаго уваженія надмѣваясь гордостію возмнила, что совершенно свѣдомы ей всѣ тонкія пронырства въ свѣтскихъ дѣлахъ, и горя желаніемъ исправить всю мартышечью республику, сыскала способъ перервать свою цѣпь и возвратилась въ отечественный лѣсъ,

Тамо вдругъ окружаютъ ее всѣ собратія, желая наглядѣться на принужденную ея выступку и притворное убранство; какое удивительное для нихъ позорище! одни выхваляютъ ог-

 ром-

ромные ея обшлага, другимъ нравится на ней богато вышитой кавтанъ; нѣкоторыя удивляются маленькому ея парику, а другія чорной длинной косѣ, и обсыпанной пудрою спинѣ; но всѣ завидуя говорятъ о искусно сдѣланномъ ея еполетѣ.

Слушайте всѣ, и воспользуйтесь, вскричала она съ живостію: я прихожу наставить васъ разуму и учтивости. Научитесь себя познавать и поддерживать весьма близкую вашу къ человѣчеству степень. Повѣрте мнѣ въ томъ, я очень давно живу и обращаюсь съ людьми; отъ нихъ пріобрѣла я знаніе вѣжливости и хорошихъ поступокъ: исправьтесь послѣдуя моему примѣру. Естьли желаете вы получить богатство, то торгуйте ласкательствомъ, изучитесь скрывать свое презрѣніе и ненависть, имѣйте такой видъ, что вы все предпринимаете въ пользу своихъ пріятелей и дѣйствительно употребляйте ихъ къ собственнымъ выгодамъ; берегитесь, чтобъ глупая любовь къ истинѣ не поработила вашъ разумъ; лгите не заикаясь, когда изъ того усматри-

триваете свою корысть; всевозможно вооружайтесь помрачая достоинства васъ унижающія: злорѣчіе есть первѣйшая красота разговоровъ; требуйте всего съ безстыдствомъ и таланты ваши похвалами превознесутся. Вельможи весьма мнѣ знакомы: глядите пристально на меня и вы уподобитесь человѣкамъ.

Сказавъ сіе сдѣлала обезьяна скочокъ, а удивленное собраніе оскалясь проворчало ей похвалу, и терзаясь ненавистію, гордостью и завистью поносило всѣхъ безъ разбору. Ставши же ревностными подражателями человѣкамъ, замѣчали они каждой день своей жизни новыми злодѣяніями.

По сему вѣрному изображенію можно узнать тысячу молодыхъ безумцевъ, которые, довольно изобилуя глупостями въ училищахъ, путешествуютъ, чтобъ сдѣлаться совершенными дураками. Будучи скудоумными примѣчателями всѣхъ внушаемыхъ тщеславіемъ шалостей, они только пьютъ, играютъ и наряжаются: сдѣлавшись не-

несмысленными и роскошными презирають они людей, имѣющихъ благородныя чувства, и души ихъ упояются ядомъ порока.

БАСНЬ XV.

Философъ и Фазаны.

Пробужденный восхожденіемъ солнца Философъ, пошелъ въ лѣсъ, чтобъ насладиться пріятностію утренняго воздуха. Безчисленное множество птицъ наполняли его сладкимъ своихъ пѣніемъ. Онъ, будучи привлеченъ таковою гармоніею, по извившейся тропинѣ приближился къ симъ по вѣтвіямъ разсѣяннымъ музыкантамъ. Каждой изъ нихъ попеременно возносилъ гласъ свой; но ужасъ входилъ за Философомъ, котораго приближеніе прервало концертъ; пернатыя вспорхнувъ удаляются произнося послѣднее возглашеніе, ужасомъ извлеченное.

Что раждаетъ въ нихъ такое общее смятеніе, сказалъ онъ? Вида ли на-

нашего боятся сіи твари, или нашей злости?

Наполненъ такими мыслями шелъ онъ далѣе, но вдругъ слухъ его поражается смятеннымъ голосомъ. Тихо приближился онъ къ тому мѣсту, отъ котораго произходилъ звукъ, и увидѣлъ сидящаго на деревѣ фазана, окруженнаго своею семьею, внимавшею его наставленія. Примѣчатель, укрывшись въ густотѣ вѣтвей, слышалъ какъ птица съ родительскимъ попеченіемъ наставляла чадъ своихъ сими словами.

Въ етомъ лѣсу неподвержены вы, любезныя мои, никакой опасности: вкушайте подъ сѣнію его совершенное блаженство. Меньше страшитесь коршуновъ и ястребовъ, нежели человѣковъ, самыхъ лютѣйшихъ изъ всѣхъ животныхъ. Неблагодарность есть главнѣйшимъ порокомъ рода сего. Овца, приносящая каждогодно волну свою для ихъ пользы и пышности, съ жестокостію бываетъ отторгнута отъ отчественнаго поля и безъ милосердія умерщвлена въ ихъ берлогахъ. Сей остро-

остроумной рой, коего искусствомъ обогащается улей медомъ и воскомъ, тщетно препровождаетъ въ трудахъ всѣ дни лѣта: сокровищницы ихъ бываютъ проданы, а пчелы истреблены. Какія великія дани платитъ имъ гусь? Перья его служатъ къ успѣху и приращенію наукъ и художествъ; способствуютъ къ прибыли торгующихъ, и изъясняютъ чувствованія любви: чѣмъ же люди награждаютъ толикія услуги? Они перья выщипываютъ, а гусей пожираютъ. Убѣгайте ихъ, любезныя дѣти, и имѣйте омерзѣніе къ ихъ поступкамъ: удаляясь отъ нихъ станете вы провождать спокойную и щастливую жизнь. Ежели они такъ платятъ тѣмъ, кои имъ служатъ, то вѣрьте, что мы фазаны, попавшись въ ихъ руки, будемъ всѣ зажарены.

БАСНЬ XVI.

Булавка и магнитная игла.

Булавка чрезъ долгое время служила весьма искусной въ уборахъ щеголи-

голихѣ, поддерживала ея волосы, давала пріятный видѣ рукавамѣ и лучшее совершенство ея бантамѣ. Часто находилась она близь сердца, а иногда ссылалась вѣ заточеніе на самый низѣ платья. Но могла ли она жаловаться на несправедливость своего жребія? И сами любовники сей госпожи были подвержены такой же судьбинѣ.

Наконецѣ лишившись чести находиться при туалетѣ сей красавицы, попалась она вѣ руки портнаго; потомѣ была вѣ нищенскихѣ рубищахѣ; послѣ служила скупому, которой, скалывая ею свои заплаты, получилѣ на цѣлой алтынѣ прибыли.

Но еще разѣ взыскана щастіемѣ служила она доктору и ѣздила сѣ нимѣ вѣ каретѣ. Наконецѣ переходя изѣ состоянія вѣ состояніе потеряна она вѣ Гресгамской салѣ (а).

Восхищаясь видѣнными тамо чудесностями, о каждомѣ поражающемѣ взорѣ

(а) Салѣ, вѣ которой преподаются уроки разныхѣ наукѣ и художествѣ.

взорѣ ея предметѣ дѣлала она премножество различныхѣ вопросовѣ, и что меньше понимала, тому болѣе удивлялась. Не должно казаться страннымѣ изумленiе ея, потому что она видѣла неизвѣстныя ей новизны. Она имѣла любопытство тѣхѣ модныхѣ умовѣ, которые стараются во всемѣ быть знающи.

Что это такое, говорила она? и это, государь мой? Иголка, отвѣтствовалѣ ей истолкователь. Названiе сiе разило спрашивающую; она узнала иголку, и тотчасѣ зачала сѣ ней говорить, такѣ какѣ сѣ *принадлежащимѣ* портному орудiемѣ.

Что ты дѣлаешь сѣ симѣ камнемѣ? Право, другѣ мой, ты бы лучше могла употреблять свои дарованiя вѣ рукахѣ швеи. Но скажи мнѣ пожалуй, отѣ чего происходитѣ столь тѣсное твое дружество сѣ етимѣ заржавѣлымѣ кускомѣ?

Воздержись пожалуй отѣ такихѣ упрековѣ, отвѣчала иголка; я не то, чѣмѣ

чѣмъ ты меня считаешь: я ищу полезной славы и истиннаго достоинства. Слыхалаль ты когда нибудь о превосходной силѣ магнита? и знаешь ли, что чрезъ сообщеніе съ нимъ всѣ его достоинства сдѣлались мнѣ свойственны? онъ самъ меня ими одарилъ: разсуди же теперь, легко ли оставить мнѣ такого вѣрнаго друга. Сокровенными его добродѣтелями наставляю я на путь кормчаго и указую ему мѣли и подводные камни. Открывая Европейцамъ новыя части вселенныя, сдѣлала я ихъ обладателями обѣихъ Индій. А естьлибъ обращеніе мое было между ремесленниками, то что бы я тогда была? Проводница нитки, такъ какъ прочія простонародныя иголки, и столь же мало значуща, какъ ты.

БАСНЬ XVII.

Пастухова собака и волкъ.

Хищной волкъ разорялъ поля и опустошалъ овчарни: лѣсъ служилъ ему убѣжищемъ, а нощныя татьбы

доставляли денную его пищу. Тщетно осторожной пастухъ бдѣлъ возлѣ пріуготовленныхъ для врага своего тенетъ; тщетно собака прогоняла его: проворный сей воръ насмѣхался надъ всѣми ихъ стараніями.

Въ одинъ день, собака, идучи лѣсомъ, набрѣла на логовище разбойниково. Оставимъ на часъ нашу войну, сказала она ему, и поговоримъ по пріятельски.

Ты просишь перемирія, отвѣчалъ волкъ, я на то согласенъ. Собака начала потомъ такой разговоръ.

Какъ можешь ты, бывши столь неустрашимый и сильный звѣрь, безстыдно нападать на слабыхъ и беззащитныхъ тварей? Гораздо знатнѣйшая добыча тебѣ предлагается. Для чего не питаешся ты кровію тигровъ, львовъ и медвѣдей? Мужественныя сердца пронзаются благородною жалостію, неизвѣстною подлымъ тираннамъ. Взгляни на невинность овецъ, коихъ ты пожираешь, будь великодушенъ, и щадя ихъ окажи примѣръ милосердія.

Другъ

Другъ мой, отвѣчалъ волкъ! подумай хорошенько о твоемъ совѣтѣ. Небо сотворило насъ хищными звѣрями; почему когда находимъ мы пропитаніе, то тотчасъ безъ разбору утоляемъ нашъ голодъ. Ежели ты искренній другъ блеящаго рода, и имѣешь къ нему истинное усердіе, такъ знай, господинъ твой сущей ихъ тираннъ, котораго должно тебѣ стараться преклонить къ сожалѣнію, ступай, и повтори ему умилительное свое слово. Волкъ похищаетъ одну только овцу, а люди пожираютъ ихъ тысячи. Признаться должно, что явной непріятель достоинъ укоризны, но ложной другъ еще сто разъ его хуже.

БАСНЬ XVIII.

Угождающій и не угодный свѣту жипописецъ.

Чѣмъ менѣе подозрѣваютъ въ невѣрности твои сочиненія, тѣмъ болѣе долженъ ты остерегаться, и не выступать изъ границъ вѣроятности. Путе-

шественникъ, которой сего не наблюдаетъ, унижаетъ цѣну собраннаго имъ описанія; а тотъ, кто утверждаетъ, что однимъ имъ обращено въ бѣгство цѣлое войско, заставляетъ сомнѣваться о своемъ мужествѣ. Лесть только одна никогда не можетъ быть гнусною. Величайшія похвалы, да и самыя невозможности, едва кажутся достойными тѣхъ, которымъ сплетаются ласкательства, и чрезвычайная ипербола (*) представляется недостаточна и слаба для химеры самолюбія.

Нѣкоторой живописецъ писалъ портреты съ такою точностію, что съ перваго взгляду не льзя было въ нихъ ошибаться. Онъ изображалъ взоръ, черты и цвѣтъ лица смѣлою кистью, и работа его казалась дышущею: гнушаясь ласкательствомъ, не употреблялъ онъ никогда искусства своего на одушевленіе блѣдныхъ тѣней увядшей младости; будучи искреннимъ и вѣрнымъ подражателемъ, выяснялъ каждой мускулъ во всемъ его совершенствѣ, сни-

(*) Риторическая фигура.

снимая бороду, ротъ и носъ съ природнымъ ихъ размѣромъ: словомъ, малевалъ онъ весьма совершенно, представляя съ крайнею точностію во всякой копіи подлинный возрастъ оригинала.

Сей странный образъ искусства отвратилъ отъ него всѣхъ пріятелей, а списанные имъ портреты, оставшись въ его домѣ составили покрытую пылью кучу.

Должно слѣдовать обыкновенію, сказалъ онъ самъ себѣ; надобно льстить. Пріявъ твердое намѣреніе поступать посему правилу, поставилъ предъ собою два превосходные бюста, одинъ Аполлоновъ, а другой Венеринъ; бралъ съ нихъ лица всѣхъ приходящихъ къ нему особъ, и съ нихъ же оныя выправлялъ, придавая самымъ настоящимъ глупцамъ совершенной и разумной видъ.

Одинъ Милордъ желалъ имѣть его работу. Въ назначенный часъ живописецъ приготовился, и Милордъ при-

былъ: художникъ, давъ господину пріятное расположеніе, посадилъ его въ самомъ лучшемъ свѣтѣ; обрисовалъ картину, наложилъ первыя оттѣнки, говоря ему о древней Греціи, о цвѣтахъ Тиціановыхъ красокъ и о видахъ Гидовой головы. Милордъ! какой разумъ сіяетъ въ сихъ глазахъ! Рафаелу только можно удержать все ихъ блистаніе; признайтесь, что эти нѣжныя черты весьма трудно изобразить; но имѣйте нѣсколько терпѣнія, и послѣ извольте разсуждать о силѣ нашего художества.

Взглянитe Милордъ! —— Милордъ глядѣлъ съ примѣчаніемъ; мнѣ кажется, сказалъ онъ, у меня ротъ больше и носъ гораздо длиннѣе, да я уже не столько и молодъ, любезный другъ, какъ ты меня здѣсь намалевалъ. О! извините, говорилъ живописецъ; что до этого касается, то оставьте однимъ намъ о семъ судить: я вамъ ручаюсь, портретъ весьма на васъ похожъ; всякой простой человѣкъ его узнаетъ. Милордъ еще разсматривая снова, признается въ своей ошибкѣ, и зерка-

ло не такъ кажется ему вѣрно, какъ сіе изображеніе.

Приходитъ знатная госпожа, живописецъ списываетъ Венеру и искусство его превозносится похвалами отъ любовника, которой находилъ въ портретѣ точное сходство съ заключеннымъ въ сердцѣ его образомъ. Наконецъ художникъ сей, учинившись льстецомъ, дѣлалъ всѣхъ прелестными, и красавицы, которыхъ онъ списывалъ, были всѣ имъ довольны.

Во всемъ городѣ говорили только о его совершенствѣ; работа его нравилась всѣмъ вообще; и цѣна трудовъ возвысилась вмѣстѣ съ его славою. Естьлибъ продолжалъ онъ писать съ прежнею точностію, то какой бы человѣкъ узналъ свой портретъ? Вмѣсто того, чтобъ копировать, дѣлалъ онъ оригиналы, съ коихъ каждой находилъ въ себѣ вѣрнѣйшій подлинникъ.

БАСНЬ XIX.

Левъ съ своимъ сыномъ.

Сколько должна быть велика жадность къ властолюбію, когда желать правительствовать подлыми тварями! Часто находятся такіе глупые гордецы, которые не могутъ сносить равнаго себѣ, они убѣгаютъ всѣхъ, кто ихъ превосходнѣе. Восхищаясь вздорными простонародными рѣчьми, произносимыми въ нѣкоторыхъ собраніяхъ, занимаются они по цѣлому дню такими расказами. Тамо сдѣлавшись посредниками въ желаніяхъ черни, составляя безумныя рѣшенія, наполняются пустою спѣсью. О бѣднѣйшій родъ! хотя бы Богъ стихотворства одарилъ меня небеснымъ умомъ, и тогдабъ не согласился я пробыть съ сими сумазбродами ни одной минуты. Ежели есть между ими умѣющіе читать, то собственно для нихъ пишу я басню сію; они въ ней описаны съ точностію, и изображены самыми живѣйшими красками.

Молодой левъ, имѣя низкой духъ, убѣгалъ сообщества звѣрей своего рода,

ища

ища похвалъ велъ знакомство съ подлыми животными, и Ослы были лучшими его пріятелями. Въ короткое время занялъ онъ ихъ обхожденіе и поступки, а чтобъ сдѣлаться совершеннымъ осломъ, то не доставало ему однихъ только длинныхъ ушей. Когда его свѣтлость изволилъ разглагольствовать, то прежде еще начала его рѣчи все собраніе вижжало ему похвалу, и каждое его слово увеличивало вопли. Ахъ, какъ онъ визжитъ! какъ онъ натурально визжитъ, кричали они всѣ совокупно!

Надутый гордостію и ласкательствомъ, спѣшитъ сей Царьословъ явиться къ вертепу отца своего, и желая блеснуть своимъ совершенствомъ предсталъ предъ нимъ визжа изо всей силы; старый левъ отъ сего содрогнулся. Безумецъ! сказалъ онъ сыну, сей ослиный крикъ ясно показываетъ мнѣ твое поведеніе и сообщество. Негодницы и глупцы не скрываютъ и хвастаютъ тѣмъ, что имъ наноситъ безчестіе.

Отъ чего такой гнѣвъ, отвѣтствовалъ сынъ? Дарованія мои всегда бы-

вали

вали превозносимы похвалами въ нашихъ собраніяхъ . . . . . . Устыдись сумозбродъ своей гордости, вскричалъ отецъ. Всѣ безумцы питаютъ свое тщеславіе тѣмъ , чему удивляются подобные имъ невѣжи. Вѣдай повѣса, львы всегда презираютъ то , что подлые лошаки превозносятъ похвалами.

БАСНЬ XX.

Старая курица и пѣтухъ.

Укрощай склонности своего сына, и ты скоро будешь увѣренъ , что всѣ люди отъ Еввы происходятъ.

Старая курица, водя за собою цыплятъ своихъ , клевала по сторонамъ , чтобъ указать имъ, гдѣ лежитъ кормъ; она рыла , разгребала солому и подбирала оставшія въ птичникѣ зерны.

Одинъ цыпленокъ, желая испытать свои крылья , полетѣлъ къ колодцу , и потомъ вспорхнувъ на обрубъ отъ неосторожности упалъ въ воду : отъ чего

то мать его осталась въ чрезвычайной печали.

Спустя нѣсколько дней, увидя молодаго пѣтуха, узнала она въ немъ свое порожденіе, и чувствуя нѣжность родительницы, сказала ему: любезный сынъ! я знаю, что въ твоемъ возрастѣ не имѣешь ты нужды въ наставленіи; я вижу твою крѣпость, силу и смѣлость, и съ великою радостію слушаю вѣсти о твоихъ побѣдахъ. Пѣтухи для тебя мнѣ кажутся ни мало уже не страшны; но будь, мой сынъ, благоразуменъ и не приближайся никогда къ сему колодезю, онъ весьма гибеленъ для нашей семьи. Да будетъ сей мой совѣтъ глубоко впечатлѣнъ въ твоемъ сердцѣ; прочее же попеченіе о соблюденіи тебя оставляю я справедливымъ богамъ.

Пѣтухъ поблагодаривъ ее за сіе наставленіе, тогдажъ горѣлъ желаніемъ оное преступить. Устремя взоръ къ сему колодезю, презираетъ онъ внутренно совѣты своей матери, и стремительное желаніе, извѣдать опасность,

вле-

влечетъ его нечувствительно къ нещастію.

Къ чему годится такое повелѣніе, сказалъ онъ? мужественная бодрость должна ли уважать смѣшныя слезы женщинъ? но что! развѣ мать моя почитаетъ меня трусомъ, не ужъ ли сіе причиною ея словъ? Можетъ быть въ етомъ колодцѣ спрятала она кормъ, которой желаетъ сберечь для младшихъ моихъ братьевъ, и хочетъ отъ меня его скрыть: я на все отваживаюсь и лечу къ погибели.

Тотчасъ кинулся онъ на обрубъ колодезя, и протягивая шею, наклонился, чтобъ разсмотрѣть до самаго дна, на которомъ видитъ непріятеля въ подобномъ своему положеніи. Первой злясь потрясаетъ свои перья; противникъ также топорщится; сей угрожаетъ, и тотъ дѣлаетъ тоже; ярость его становится чрезвычайною, онъ летитъ на сраженіе и въ глубинѣ колодца встрѣчаетъ свою смерть. Утопая сказалъ онъ: вотъ нещастныя слѣдствія запрещеній моей матери!

БАСНЬ XXI.

Мышелопъ и кошки.

Умножившіяся въ нѣкоторомъ домѣ мыши дѣлали каждую ночь великія проказы, за что служанка терпѣла ежеминутные выговоры. Сей злой родъ жустарилъ сыръ, пожиралъ ветчину, и хлѣбсное гибло отъ нихъ безпрестанно; самая толстая корка круглыхъ пироговъ не могла защитить отъ острыхъ ихъ зубовъ положенную въ себѣ начинку. Лизетта стократно проклинала кошекъ за то, что они не входили въ бой съ ея врагами.

Одинъ весьма прославившейся знаніемъ Антимиміотической науки человѣкъ, поднялся на ихъ истребленіе; онъ осмотрѣлъ весь домъ, замѣтилъ тайные ихъ подкопы, и тѣ скважины, въ кои производили онѣ ночныя свои вылазки.

Но зависть, вселясь въ кошку Минетту, причинила ей несказанное безпокойство; она, ползая за нимъ тайно, примѣчала всѣ его пріемы. Ежели онъ получитъ успѣхъ въ своемъ предпріятіи,

тіи, говорила она, то конечно всѣ мыши искоренятся. И такъ твердо вознамѣрясь сему препятствовать, перековеркала она ввечеру поставленныя мышеловомъ западни, и опрокинула всѣ ловушки.

Какой лютой непріятель, вскричалъ онъ съ гнѣвомъ, осмѣливается такимъ образомъ разрушать мою надежду? А измѣнникъ! ты мнѣ за то заплатишь своею жизнію!

Проговоря сіе насторожилъ ужасную пасть, въ которую бѣдная Минета попалась. Постой плутовка, сказалъ ожесточенной истребитель крысъ, скоро заплачена будешь ты справедливою казнью за тѣ пакости, коими искала помрачить мою славу!

Нещастная сія умиленно просила его о дарованіи себѣ живота и свободы. Прибыль наша взаимна, говорила она; пощади содругу свою!

Какая дерзость, вопилъ онъ! не ужъ ли ты думаешь, что мы сотворе-

ны дѣлить съ кошками корысти? Дай небо, чтобъ погибъ весь дѣлающей подрывъ нашимъ доходамъ проклятой родъ вашъ, тогда бы одни мы, охраняя сыръ всего народа, усугубляли чрезъ то свои доходы.

Разумный котъ Роминагробисъ, видя взнесенный ножъ надъ нещастною сродницею, спасъ ея жизнь симъ своимъ витійствомъ.

Нѣтъ во всемъ свѣтѣ такой земли, и такого возраста, въ которыхъ бы два лица одного состоянія жили миролюбно; каждой ненавидитъ своего сосѣда. Дворянинъ жалуется на другаго, что тотъ въ чужихъ дачахъ ѣздитъ за охотою; безпрестанная война бываетъ отъ красавицъ, старающихся междоусобно поносить прелести и совершенства другихъ; Цари, надѣясь сдѣлаться обладателями всего свѣта, повергаютъ съ престоловъ себѣ подобныхъ самодержцевъ. Покажемъ по крайней мѣрѣ мы сколько нибудь миролюбія; научимся обуздывать наши желанія, и не станемъ производить та-

такихъ раздоровъ, какіе произходятъ между Царями, дворянами и красавицами. Хоть добыча наша и одинакова, однако она столь изобильна, что мы всѣ можемъ получать отъ нее довольное пропитаніе.

БАСНЬ XXII.

Козелъ безъ бороды.

Довольно извѣстно, что всякой модной порокъ прилипаетъ къ народу, такъ какъ благородная и учтивая необходимость жизни. Почему прошу я извиненія въ томъ, естьли приписываю обезьянамъ, лошадямъ и самымъ осламъ, гордость и тщеславіе, пороки свойственные одному человѣческому роду. Правда, я съ него заимствую изображеніе моихъ звѣрей, однако не скажу, чтобъ они могли съ нимъ равняться.

Нѣкоторой козелъ столько имѣлъ тщеславія, столько надмѣнности, сколько могло сего вмѣститься въ самомъ сущемъ скотѣ. Когда находилъ

онъ

онъ кустъ полыни, то катался по сей благовонной травѣ съ тѣмъ, чтобъ себя оною надушить и глядѣлся потомъ съ немалымъ удовольствіемъ въ прозрачномъ источникѣ. Сколь ненавистна мнѣ ета борода! говорилъ онъ нѣкогда самъ съ собою; она дѣлаетъ меня по крайней мѣрѣ десятью годами старѣе. Истинно, когда бы жены наши не были увѣрены въ крѣпости силъ моихъ, то бы конечно со страхомъ удалялись онѣ, *видя почтенный сей образъ*.

Тотъ же часъ вздумалъ онъ выбрить мохнатую свою рожу, и съ симъ намѣреніемъ побѣжалъ въ ближнюю цирюльню: жившей въ ней бородобрей былъ вертляная и проворная обезьяна, которая въ окрестностяхъ того мѣста отправляла свое ремесло. Малая мѣдная торелка, вывѣшенная предъ ея лавкою, и двѣ, или три склянки, стоящія на окнѣ, съ нѣсколькими красными тряпицами, показывали трoякое ея искусство.

Довольно нашколенной фершелъ принялъ козла съ отмѣнною учтивостію; указалъ ему деревянной стулъ,

потомъ намыливъ его рыло и шею, съ проворностію обрилъ бороду и всю голову. Милостивый государь мой, говорилъ ему Пиѳикъ! я надѣюсь всегда имѣть честь почитаться вашимъ услужникомъ; клянусь вамъ, что никакая борода не бывала ни столь чиста; ни столь гладка, какъ ваша.

Спѣша къ хвалѣ, оголенное животное побѣжало на близь лежащую гору. Всѣ брадатые его сотоварищи взглянули на него съ удивленіемъ. Что такое съ тобою сдѣлалось, сказалъ ему одинъ изъ нихъ, какая завистливая рука похитила твою бороду? Объяви намъ не мѣшкавъ о твоемъ злоключеніи. Глупецъ усмѣхаясь отвѣтствовалъ съ презрительною осанкою: скажите мнѣ, которые просвѣщенные народы въ сіе время носятъ бороды? Самые Россіяне нынѣ уже обрились. Не уже ли мы только удержимъ при себѣ сіе варварское обыкновеніе, и одни во всемъ свѣтѣ будемъ носить подъ горломъ такую излишную и смѣшную тягость? Не дразнятъ ли насъ и не гоняются ли за нами съ великимъ крикомъ, когда слу-

случится намъ итти мимо деревень. Словомъ, не дерутъ ли и не таскаютъ ли насъ за бороду малые ребятишки?

Братъ! говорилъ ему старшина всего стада, когда не намѣренъ ты жить вмѣстѣ съ нами, то доказательства твои справедливы; ежелижъ причиняемыя тебѣ досады отъ ребятъ противны твоему самолюбію, такъ скажи мнѣ пожалуй, какъ будешь ты сносить посмѣяніе всего нашего общества? Поди, жеманный безумецъ, подобные тебѣ шалуны бываютъ игралищемъ для тѣхъ, кто имъ не слѣдуетъ.

БАСНЬ XXIII.

Старуха съ своими кошками. (*)

Сообщество съ бездѣльникомъ подаетъ причину къ подозрѣнію въ плутовствѣ: честная женщина, обходясь съ развращенною, заставляетъ о себѣ думать, что она великая пронырщица;

(*) Сія басня содержитъ воображенія Аглинской черни о колдуньяхъ.

ежели когда случится увидѣть постоянную дѣвушку съ тѣми, которыя не долго заставляютъ вздыхать, то можно сомнѣваться о ея цѣломудріи, и спросить, какъ велика ея цѣна; съ кѣмъ поживешь, тѣмъ и прослывешь.

Старая колдунья, (почитаемая за такую) удрученная бременемъ лѣтъ, и замерзшая отъ стужи, сидѣла возлѣ не большаго огонька, протянувъ надъ нимъ морщливыя свои руки. Трясущіяся ея колѣна съ трудомъ поддерживали тягость тѣла, а пораженная параличемъ ея голова кивалась безпрестанно.

Она шамкала подъ носъ длинныя молитвы, и была окружаема сухопарными и мяучащими отъ голода кошками.

Не могши болѣе сносить вопль ихъ, старуха разсердилась чрезвычайно, и ворчала имъ сіи ругательства: вонъ отсюда злое коренье. Куда я глупа, что васъ держу при себѣ! домовые, лѣшіе, сущая адская шайка! ежелибъ вы при мнѣ не жили, тобъ не ругали

меня,

меня, называя вѣдьмою. Отъ васъ, проклятые, ребятишки гоняются всюду за мною, и кладутъ на дорогѣ, чтобъ меня остановить, соломенные кресты; безъ васъ моглаль бы лошадиная подкова держать двери и пряталиль бы служанки старые вѣники, опасаясь, что я на нихъ ѣзжу въ сонмищѣ волшебниковъ. Вы причиною тому, что втыкаютъ въ стулъ, гдѣ я сижу, булавки, и безпрестанно просятъ чтобъ, показала я то мѣсто, гдѣ дьяволъ меня сосетъ.

И самой святой вышелъ бы изъ терпѣнія, слыша все сіе пустое болтанье, отвѣчала одна изъ кошекъ; скажижъ теперь, кто изъ насъ виноватъ, ты, или мы имѣемъ больше причинъ жаловаться? Поговоримъ хорошенько о семъ дѣлѣ. Ежелибъ не претерпѣвали мы голода, пребывая въ твоей хижинѣ, то жилибъ мы пользуясь уваженіемъ за искусство наше въ ловлѣ. Напротивъ сносимъ мы крайнее безчестіе, находясь въ услугахъ у вѣдьмы. Всѣ почитаютъ кошекъ твоихъ за дьяволовъ, вѣникъ твоею лошадью; и всѣ малые ребятишки умыщляютъ

на нашу жизнь, думая, что кошки имѣютъ по девяти оныхъ.

БАСНЬ XXIV.

Бабочка и улитка.

Да припомнятъ вознесенные щастіемъ подлецы, забывающіяся даже до самой наглости, низкое свое происхожденіе.

При утреннемъ сіяніи солнца вновь родившаяся бабочка прогуливалась на розахъ. Надмѣнная тщеславіемъ распускала она съ гордостію златыя испещренныя пурпуромъ свои крылья, и озиралась на красоту оныхъ съ удовольствіемъ.

Подруга ея улитка, забвенная уже ею, неся съ собой свое жилище, пресмыкалась по дерну: бабочка увидѣла ее, и воспламенясь гнѣвомъ кричала садовнику: по что стараешься ты избавить землю отъ не нужныхъ ей произрастѣній? Для чего встаешь предъ

восхожденіемъ солнца и прилагаешь раченіе о исправленіи того, что суровость воздуха повредила? Не ужъ ли персикъ имѣетъ столь живыя краски, и не ужъ ли груша покрывается симъ пріятнымъ цвѣтомъ, чтобъ только льстить вкусу сего гнуснаго несѣкомаго? Раздави гадину эту, она дѣлаетъ безчестіе твоему саду.

Какая гордость, сказала улитка! о! сколь ощастливленный безумецъ становится наглъ и глупъ! ежелибъ не лишила ты меня терпѣнія своимъ злорѣчіемъ, то никогда бы не открыла я низкость твоей породы и не обратила бы тебя опять въ ту же тину, изъ коей ты только успѣла возникнуть. Едва девять разъ восходящее солнце придало плодамъ совершенную зрѣлость и расписало цвѣты новыми красками, какъ видѣла я тебя раждающуюся въ самомъ ничтожествѣ. Подлая и скверная несѣкомая! сама ты, какъ я таскалась съ великимъ медленіемъ и составляла безполезныя и гнусныя работы. Чтожъ до меня касается, то признаюсь въ низкомъ моемъ

рожденіи: я произведена улиткою и тою же умру; но что такое бабочка? Ничто болѣе, какъ нарядный червячокъ, и весь твой многочисленной родъ ничего инаго не произведетъ въ свѣтѣ кромѣ вредной гусеницы.

БАСНЬ XXV.

Вздорщица и попугай.

Нѣкоторый мужъ, наскучивъ злорѣчіемъ своей жены, журилъ ее сими словами: кто не обуздываетъ языкъ свой, тотъ вѣчно живетъ въ спорѣ со всѣми людьми: ты сама себѣ предательствуешь, и безпрестанную ведешь брань съ своимъ поломъ. Не ужъ ли ничто не можетъ удержать сей змѣиный языкъ, которой не щадитъ ни друга, ни пола, ни возраста; всѣ наши сосѣди его трепѣщутъ; о Всесильный Боже! онъ подобенъ ужасному стремленію съ горъ падающихъ водъ, коимъ никто не въ силахъ положить оплота. Не ужель никогда ты не устанешь, сѣя плевелы раздора, и всегда

гда будешь отъ такого упражненія насыщать свою внутренность.

Взгляните, прошу васъ, отвѣчала она, какъ важничаетъ сей безмозглой! какъ онъ умничаетъ! право мнѣ, кажется, онъ ищетъ лишить полъ нашъ самаго лучшаго дара природы. О! пожалуй хмурься сколько изволишь; но я таки буду говорить, и хочу, чтобъ меня слушали. Нынѣшнія женщины очень достойны бы были сожалѣнія, когдабъ отнимали у нихъ то преимущество, которымъ пользуются и попугаи. Вы хвалите ихъ болтанье и пѣсни, а напротивъ порицаете женщинъ! но это происходитъ отъ того что, вы присягнули безумолкно охуждать поступки наши.

По семъ шумномъ вступленіи слѣдовала сильная брань и ругательство. Матери, племянницы, дочери, тетки, всѣ навсе не были пощажены. Ворочая языкъ скорѣе самаго попугая, опрокинулась она на весь свой полъ; скупыя, щеголихи, дурныя, пронырливыя, всѣ осуждены безъ изъятія.

 Много-

Многословіе сіе привело въ смятеніе всѣхъ домашнихъ животныхъ: собака, кошка, птицы, обезьяны единодушно соединились, чтобъ посрамить сумозбродную. Кошка мурнычетъ, обезьяна ворчитъ, собака взвизгивая хватаетъ ее за ноги; сорока произноситъ сто новыхъ ей имянъ; и посреди сей жестокой крамолы, попугай упрекаетъ ее за злость, такими словами:

Люди любятъ болтанье попугая, но гнушаются злобною и нескромною женщиною, которая, вредя честь ближняго, вооружаетъ противъ себя всякое животное. Разширяя такимъ образомъ уста свои, вспомните, сударыня, что и всѣ ваши сосѣди также не безъ языка. Всякой клеветникъ болѣе въ десять разъ терпитъ самъ отъ людей, нежели люди отъ него; этотъ долгъ платится всегда съ великимъ ростомъ.

БАСНЬ XXVI.

Ищейная собака съ меделянскою.

Ищейный песъ, лазутчикъ своего господина, предательный рабъ, льстецъ и подлецъ, получалъ ежедневное награжденіе за свою лживость. Терзаясь страхомъ и завистью подслушивалъ онъ и переносилъ вѣсти. Его происками кошка лишилась милости и мѣсто ея заступила другая; борзая собака терпѣла безпрестанно побои, меделянская брани: да и самая обезьяна прогнана была изъ покоевъ. Однимъ словомъ, въ этомъ мѣстѣ каждой оказывалъ холодность къ искреннѣйшему своему пріятелю, не объявляя ему о причинѣ.

Нѣкоторый воръ принялъ намѣреніе обокрасть домъ сей, для чего употребилъ онъ въ помощь любовь, подкупилъ служанку, приласкалъ ищейнаго пса, котораго кускомъ хлѣба склонилъ къ молчанію. Потомъ вздумалъ онъ искусить меделянскую собаку, но честной ея зѣвъ не принялъ его подарковъ.

ковъ. Воръ протянулъ руку, чтобъ подать ей кусокъ побольше, но гордая собака угрызла его безъ пощады.

Ищейный, видя сіе, обрадовавшись кинулся съ доносомъ къ своему господину, которой слушая его съ великимъ гнѣвомъ вскричалъ: велите повѣсить сію мерзскую меделянку. Исполняя его приказъ, слуга съ поспѣшностію взбросилъ веревку на ея шею.

Осужденная подала челобитную и просила, чтобъ удостоили ее вниманіемъ. Господинъ сѣвъ, призвалъ предъ себя доносителя и отвѣтчика. Лазутчикъ (а) Брильянтъ, зачавъ первой говорить съ ласкательнымъ видомъ, которой открываетъ измѣнническую и низкую душу, предъявлялъ дѣло, какъ настоящей Ораторъ и увеличивалъ представленіе свое съ способностію искуснаго кручкотворца.

Честной Турка (б) отвѣтствовалъ: не казните меня Милордъ, не выслу-

(а) Имя ищейной.
(б) Имя меделянской.

слушавъ моей рѣчи, но прежде разсмотрите съ вниманіемъ причины наши: не думайте, чтобъ подлецъ и измѣнникъ имѣлъ сколько нибудь правосудія, и берегитесь весьма вѣрить его клеветамъ, Брильянтъ мошенникъ, обманщикъ и мздоимецъ, которой предаетъ насъ обѣихъ. Вы себя безчестите, Милордъ, защищая сего плута, не думайте, чтобъ его гнусные поступки остались сокровенными, да и самихъ васъ будутъ за такого же считать, естьли не перестанете защищать его.

По сихъ словахъ истинна явилась во всемъ своемъ сіяніи. Меделянская собака была свобождена, а лжесвидѣтель повѣшенъ.

БАСНЬ XXVII.

Персіянинъ, солнце и облако.

Естьли стихотворецъ имѣетъ блистающій разумъ, которой сами боги ему внушаютъ, то зависть блѣднѣетъ, читая сильныя его писанія; она рвет-

ся, бѣсится и истаеваетъ отъ сокрушенія. Зміи ея, ядомъ надмѣнныя, испуская ужасный свистъ, зовутъ къ себѣ въ помощь все адское полчище и всѣхъ закладчиковъ Курля. (*) Такимъ-то образомъ слава производитъ ненависть и вооружаетъ клевету; и точно также тѣнь мракомъ своимъ заслоняетъ свѣтъ.

Персіянинъ, распростершись предъ Богомъ дня, возсылалъ къ нему обыкновенную свою молитву сими словами:

Отецъ свѣта! о всевидящее солнце, коего благотворительные лучи производятъ дары провидѣнія! не возгнушайся нашими пѣсньми и хвалами; внемли моленію, взгляни милосердо на сіи поля и сотвори ихъ плодородными.

Облако, насмѣхаясь симъ набожностямъ, вдругъ помрачило день, и завистливая гордость извлекла изъ него слѣдующіе укоризны:

Можешь ли ты, ослѣпленной смертной, покланяться столь безсильному Богу,

(*) Лондонской книгопродавецъ.

богу, котораго я лишаю сіянія, и отказывать мнѣ должное жертвоприношеніе и покорность? воздавай ихъ тому, кто достойнѣе.

Преисполненный ревностію Персіянинъ отразилъ смѣшное сіе богохуленіе такими словами: я служу и почитаю Бога, возвысившаго тебя на воздухъ. Когда ты находишся между имъ и мною, то тѣмъ лучше вижу я тонкое и слабое твое вещество: одно дхновеніе вѣтра можетъ разсыпать цѣлыя ваши тучи.

Въ то самое время повѣялъ свѣжій вѣтръ, унесенное облако разсѣялось и великолѣпное свѣтило дня явилось во всемъ своемъ величествѣ. Подобно видимъ мы изчезающіе мраки зависти, а дарованія и истинныя достоинства, являющіяся въ совершенствѣ славы.

БАСНЬ XXVIII.

Умирающая лисица.

Старая лисица приближалась къ концу своей жизни. Уже дрожащій и без-

безоруженный ея зѣвъ лишился побуждающей къ ѣствѣ склонности. Окруженная семействомъ своимъ, ожидающимъ послѣдняго ея соизволенія, съ трудомъ подняла она голову, и слабымъ умирающимъ голосомъ произнесла мудрыя сіи рѣчи:

Ахъ любезныя мои дѣти! удаляйтесь беззаконія, слѣдуйте моимъ спасительнымъ совѣтамъ. Въ сіи послѣднія минуты чувствую я всю тягость содѣянныхъ мною преступленій. Воззрите на сихъ умерщвленныхъ мною гусей. Окровавленные Индѣйскіе пѣтухи предстоятъ моему взору? По что является кудачущій родъ, требуя отъ меня разтерзанныхъ цыплятъ своихъ?

Голодные лисята озирались на всѣ стороны, приготовляясь къ пиршеству, о которомъ сказывала имъ мать. Да гдѣ же, говорили они, сіи вкусныя жертвы? Сколько мы ни ищемъ взорами, однако не видимъ ни одного перышка. Можетъ быть сіи куры, сіи гуси, сіи Индѣйки, суть ничто иное,

какъ

какъ мечты встревоженнаго воображенія. Ахъ! тщетно дѣти твои облизываются!

О обжоры, сказала имъ старая лисица! воздержите сію ненасытимую алчность, будетъ время, въ которое грызеніе вашей совѣсти извлечетъ изъ васъ слезы и болѣзненное рыданіе. Не ужель забыли вы, что собаки всюду преслѣдуютъ по нашимъ скрытнымъ слѣдамъ, и что западни, тенета и ружья готовы къ нашему истребленію. Бездѣльники всегда угрожаемы бываютъ отъ поисковъ справедливости: они не провождаютъ ни единой минуты въ спокойствѣ. Старость, до которой мы въ нынѣшнее время рѣдко достигаемъ, полагаетъ рубежъ всѣмъ сотворенным мною злодѣйствамъ. Повѣрьте мнѣ, я довольно въ свѣтѣ видала: обуздайте честностію жестокія ваши страсти, и вы будете всегда довольны; заслуживайте, любезныя мои дѣти, почтеніе и уваженіе, и пріобрѣтите паки потерянное свое доброе имя.

Сей совѣтъ весьма нравоучителенъ, отвѣтствовалъ одинъ изъ нихъ, и мы очень бы желали онымъ пользоваться; но вспомните, кто наши родоначальники: они всѣ были, по преданію отъ прадѣда до внука, бездѣльники; они оставили намъ худое свое имя, они покрыли насъ срамомъ и безчестіемъ; мы же естьли и будемъ жить подобно невиннымъ агнцамъ, и возъимѣемъ честныя мысли, слова и дѣла, однако какъ скоро число куръ въ хлѣвахъ какимъ нибудь случаемъ начнетъ уменьшаться, то подозрѣніе падетъ на насъ; а тогда и безъ вины получимъ названіе лицемѣровъ. Потерянная добрая слава никогда назадъ не возвращается.

И такъ будь по прежнему, сказала издыхающая; но что я слышу? Мнѣ кажется это крикъ куръ; бѣгите дѣтки, но однакожъ ловите съ воздержаніемъ. Я чувствую, что и мнѣ бы цыпленокъ сдѣлалъ теперь великое облегченіе.

БАСНЬ XXIX.

Ищейная собака и куропатка.

Поднявъ чутье вверьхъ ищейная собака рыскала по жниву: вдругъ обонявъ добычу, приближается она ползкомъ, и остановляется надъ стадомъ. Охотники, увѣдомленные чрезъ то о великомъ числѣ дичи, подкрадываются и раскидываютъ свои сѣти.

Искусившаяся опытами разумная куропатка, разсматривая сіи предуготовленія, смѣялась столь тщетнымъ заботамъ; она встревоживаетъ своихъ птенцовъ, которые вспорхиваютъ и удаляются въ лѣсъ; а мать, оставшись на малое время, желала укорить коварнаго предателя.

Раболѣпный льстецъ человѣческой пышности! сказала она, подлое орудіе ихъ забавъ, злобный лукавецъ, посрамленіе своего рода, которому должно отъ тебя отречься. Сколько могу я понимать о природныхъ его качествахъ, собаки родятся съ прямымъ сердцемъ,

 и

и прежде нежели возъимѣли они низкую склонность угождать бездѣльническими предпріятіями, были или истинные друзья, или великодушные враги.

Собака отвѣтствовала съ презрѣніемъ: ты, надѣясь на свои крылья, не опасаешься порицать меня. Всѣ подобно тебѣ въ поляхъ живущія не имѣютъ познанія въ пріятномъ обращеніи. О колъ глупъ деревенской разсудокъ. Однимъ вѣжливымъ людямъ принадлежитъ знать о моемъ достоинствѣ. Пронырливой, ползая такъ какъ я, и торгуя красавицами, обогащается умножая долги своего народа: получаетъ награду опредѣляя въ чины безъ разбора всѣхъ своихъ пріятелей, будучи воспитана при Дворѣ, знаю я всѣ тамошнія обращенія. Употребляя оныя въ пользу свою, пріобрѣтаю безпрестанно новыя себѣ милости, и живу благополучно.

Ахъ! и безъ того я бы угадала, гдѣ ты сему научилась, возразила куропатка; сговорчивой и гибкой умъ рабовъ склоняется на всѣ пороки господъ своихъ. А! ты пришла изъ Двора, про-

прощай на вѣки. Потомъ полетѣла она къ своимъ дѣтямъ.

БАСНЬ XXX.

Всеобщее припидѣніе.

Нѣкто развращенной человѣкъ во время своей молодости вдавался во всѣ распутства. Кровь его была испорчена, душа погружалась въ унынiе, и сила въ немъ изчезла. Одержимъ тайными болѣзньми, онъ какъ дряхлый старикъ едва влачился.

Терзаемъ скорбiю, погруженъ въ печальныя и глубокiя воображенiя, иногда размышлялъ, иногда молилъ, а иногда проклиналъ. Вдругъ предстало предъ него огромное и сухощавое привидѣнiе и говорило ему слѣдующее:

Имя мое думаю тебѣ уже извѣстно, внимай моему гласу и слѣдуй совѣтамъ *заботы*. Злато, власть, чести, и самая любовь, не могутъ безъ здравiя ни одной минуты исполнить

радостію. И такъ будь благоразуменъ; безъ здоровья гибнетъ всякое пріятное чувствіе.

Сказавъ сіе оно изчезло: справедливые его совѣты устрашаютъ болящаго, онъ отвергается всѣхъ невоздержностей, ліетъ въ свои жилы чистительные соки, а чтобъ принудить себя къ порядочной жизни, пріемлетъ намѣреніе вступить въ супружество.

Но едва успѣлъ жениться, какъ докучливый призракъ приходитъ паки его безпокоить, слѣдуетъ за нимъ повсюду и твердитъ ему о вѣтренности красавицъ, и что частыми докуками достигаютъ у нихъ желаемаго. Сими безпрестанно повторяемыми внушеніями вселяетъ въ него сильнѣйшую ревность. Шепчетъ ему на ухо имена супругиныхъ любовниковъ: потомъ представляетъ всѣ тягости хозяйства, недостаточные доходы, возращающіе долги, заимодавцовъ расхищающихъ имѣніе, и ввергающихъ дѣтей его въ крайнюю нищету.

Исполненъ сими ужасными мыслями, печется о собиранiи имѣнiя, пожигается жадностiю къ богатству, и наконецъ оное прiобрѣтаетъ. Мечтанiе возвращается, и больше прежняго его мучитъ; оно показываетъ стоящихъ предъ нимъ нужду и нищету: сей нещастный слышитъ днемъ и ночью приближающихся воровъ и видитъ убiйцевъ.

Какъ прогнать сего несноснаго гостя? Власть можетъ быть отъ него избавитъ; и такъ устремляется онъ къ высокимъ чинамъ. Страшилище еще прибѣгаетъ и угнѣтаетъ его ежечасно; заставляетъ разсматривать, коль слаба подпора поддерживающая честолюбiе, и сколь жестокiя мученiя соединяетъ зависть съ знатностiю: оно вперяетъ ему о злобныхъ совмѣстникахъ, о невѣрныхъ друзьяхъ, и показуетъ безчестiе, соединенное почти всегда съ паденiемъ вельможъ.

Онъ оставляетъ Дворъ, дабы избѣгнуть мрачныхъ суетъ и ищетъ спокойствiя подъ чистымъ небомъ.

Сады и поля доставляютъ ему пріятное упражненіе: занимается подчищеніемъ деревьевъ и насажденіемъ цвѣтовъ. Но безжалостная *забота* пришла и тутъ его посѣтить: она говоритъ ему только о вредныхъ росахъ, о вихряхъ, о улиткахъ, о засухахъ и о дождяхъ. Въ поляхъ, въ домѣ, повсюду тѣнь за нимъ гоняется; тщетно стараемся мы избѣгнуть *заботы*.

Наконецъ, будучи приведенъ въ отчаяніе, говорилъ онъ къ своему пугалищу: какъ долженствуешь ты вѣчно со мною находиться, то будь ко мнѣ снисходительно; провождай и наставляй стопы мои, но берегись позади за оными слѣдовать.

БАСНЬ XXXI.

Воробей и двѣ совы.

Двѣ совы собесѣдовали между собою весьма важно, изъ которыхъ первая такъ говорила: сколь развратился нынѣ вкусъ людей! воздаютъ ли гдѣ ни-

нибудь премудрости достодолжное почитаніе? Одни токмо разумные Греки знали цѣну истиннаго достоинства; доказательство тому весьма ясно; ибо они, съ прилѣжностію разсматривая качества каждой птицы, и стараяся познать ясно *глаукотическую* сокровенность, почитали всегда предковъ нашихъ. Аѳины, сей престольный градъ наукъ, уважалъ насъ единодушно; мы тамо получали всѣ тѣ титлы, кои по справедливости намъ принадлежатъ, даже до всеобщаго обоженія.

Сестра! ты разсуждаешъ очень хорошо, отвѣчала другая, продирая глаза свои; такъ, ты разсуждаешь очень хорошо; Аѳины былъ престольный градъ наукъ, а наука мать просвѣщенія; Аѳинейцы водружали насъ на шлемъ Минервы, какъ признакъ разума; но ахъ! нынѣ уже насъ небрегутъ, и пустомеля воробей болѣе, нежели мы, получаетъ почтенія.

Воробей, сидя вблизи ихъ, слышалъ все, какъ они себя выхваляли, и не имѣя силъ больше терпѣть, отозвался

такими словами: кто встрѣчается съ гордостію, тотъ видилъ и глупость. Всѣ птицы, исключая васъ, точно знаютъ для чего Аѳины совъ почитали, и сажали на шлемѣ Палладиномъ. Греки хотѣли научить чрезъ то, что весьма легко можно обмануться разсуждая по наружности, которой не должно отдавать почтенія; ибо подобные вамъ важные глупцы могутъ казаться мудрецами. Естьли же вы желаете быть таковыми, то не будьте столько горделивы, и живите такъ, какъ естество васъ научаетъ; тогда-то станете вы имѣть самыя изящнѣйшія ѣствы, благодарные хлѣбопашцы не умолчатъ похваляя ваше бдѣніе; въ наградужъ за труды получите вы тучнѣйшихъ крысъ, и самая проворнѣйшая кошка, меньше, нежели вы, питаема будетъ.

БАСНЬ XXXII.

Царедворецъ и Протей.

Царедворецъ, лишившись милости своего Государя, бѣжитъ въ деревенское

ское уединеніе скрывать скуку и стыдъ свой. Тамо съ принужденіемъ въ полезныхъ здравію тѣлодвиженіяхъ, старается онъ, чтобъ домъ его блисталъ пышностію. Дѣлаетъ новыя умоначертанія, надѣясь грабить при владѣніи будущаго Государя. Алкая толикожъ корыстолюбіемъ, колико великій Александръ завоеваніями, испускаетъ тяжкія воздыханія о минувшей своей власти, съ которою пріобрѣталъ онъ способы расхищать государство.

Нѣкто изъ подобныхъ сему придворныхъ, прогуливаясь безъ жезла своего (*) возлѣ моря, размышлялъ о томъ, какъ паки возвратить себѣ прежнюю Монаршую милость. Посреди кудрявыхъ волнъ о брега ударяющихся, является ему Протей, и говоритъ тако:

Ты безъ сомнѣнія приходишь изъ чертоговъ Царскихъ; сіе я заключаю по

(*) Знакъ власти, который Аглинской Король даетъ тѣмъ, коихъ онъ жалуетъ придворными чинами, и которой отбираетъ и преломляетъ, по снятіи съ нихъ достоинства.

по надмѣнному твоему виду: придворный признается, что онъ измѣненный своими друзьями, былъ жертвою ихъ любочестія.

Будь свидѣтелемъ искусства моего, сказалъ полубогъ; я премѣняю виды по моему желанію: взирай, и скажи мнѣ, могуль я сравняться въ гибкости съ придворными. Выговоривъ сіе превратился онъ въ ужаснаго змія, понудивъ волны кипѣть подъ громадою своего тѣла.

Хотя наши царедворцы напыщенны, однако всѣ изъ рода пресмыкающихся, сказалъ Милордъ, и также принимаютъ сей страшный образъ: они скрываются отъ бури, а какъ скоро возсіяетъ солнце, то пользуются его лучами. Они злобно шипятъ, зіяютъ съ завистію и премѣняютъ ежедневно одежду. Происходя отъ низкой породы, возносятся новымъ своимъ блистаніемъ и выступаютъ поднявъ голову.

Вдругъ Протей становится львомъ, свирѣпѣя потрясаетъ ошибомъ своимъ

ударяя по песку, и внезапу принимаетъ острозрительный и ужасный взоръ рыси, потомъ превращается въ медвѣдя, крокодила, осла, волка и лисицу.

Естьлибъ не видалъ я Двора, продолжалъ Милордъ, то бы конечно сіи преображенія могли меня удивить; но люди сей земли, занимаясь собственнымъ прибыткомъ, поступаютъ точно такимъ же образомъ. Въ какую должность ни пожелаетъ Государь ихъ употребить, то соразмѣрно сему принимаютъ они различные виды и бываютъ попеременно волками, рысьми и львами; лучшій ихъ предметъ есть добыча. Умѣютъ поступать такимъ же образомъ, какъ медвѣди и лисицы. Грабительства ихъ происходятъ иногда тайно, а иногда съ насиліемъ. Часто въ чертогахъ визжатъ они по ослиному, и тамо пріемлютъ на себя видъ плотоядныхъ звѣрей, или преобразившись въ крокодила пожираютъ къ нимъ приближающихся, и употребляютъ всякаго рода злодѣянія. Выговоря сіе бросился онъ на Протея и его связалъ, отъ чего плѣненный богъ тщетно покушался избавиться.

Те-

Теперь, о Протей, сказалъ царе-градецъ, возвѣсти истинну, признайся, что ты побѣжденъ, и что ты малъ въ своемъ искусствѣ.

Искусный придворный, употребя силу, или хитрость, всегда въ состояніи наложить на тебя узы; сѣти его, подобно Вулкановымъ, невидимы.

БАСНЬ XXXIII.

Дворныя собаки.

Породной Аглинской песъ, лучше любилъ грызться, нежели кусать, онъ видя двухъ собакъ дерущихся между собою всегда, горѣлъ желаніемъ участвовать въ ихъ поединкѣ, и въ томъ часто находилъ случай себя довольствовать. Гордясь и хромая превозносился онъ неравностію своихъ лапъ, и изгрызенною свою мордою. Всѣ его члены покрыты были побѣдоносными рубцами, а уши гораздо поукоротали отъ отчаянныхъ схватокъ.

Въ нѣкоторый день, слыша издалека шумную битву, спѣшитъ она туда, принявъ твердыя намѣренія раздѣлить успѣхи оной.

Кожевникъ, увидя его мимо бѣгущаго, вышелъ изъ своего дому, крича ему въ слѣдъ: о мерзской песъ! добрая дубина тебя справитъ, отъ чего раждается твоя злоба къ кожевникамъ? Ты отъ того только не бросаешься на мою собаку, что опасаешься меня.

Мясникъ, воспаленной такимъ же гнѣвомъ, приближается тудажъ, чтобъ увидѣть сраженіе, и кричитъ изъ толпы народа хриповатымъ голосомъ: всѣ видѣли мою собаку торжествующу въ дракакъ Гоклей Голи и Марибона: (*) никогда не нападаетъ она при множествѣ народа, опасаясь, чтобъ ее не розняли. Не думай, наглый безумецъ, раздѣлить съ нею славу; она получитъ въ семъ сраженіи или стыдъ, или совершенную побѣду.

Ска-

(*) Деревни близъ Лондона находящіяся, въ которыхъ бываетъ всенардоно битва животныхъ.

Сказавъ сіе, оба они тотчасъ разтащили своихъ собакъ, кляня и ругая громогласно; потомъ влѣпили нѣсколько ударовъ и пинковъ въ спину несчастному псу.

Покрытыя потомъ и кровію оба ратоборца отдыхали лежа недалеко отъ того мѣста; ихъ пустили набѣдную сію стерву, которой бывши изъ грызенъ, вывалянъ въ грязи, вскочилъ хромая и ушелъ поджавъ хвостъ и развѣся уши.

БАСНЬ XXXIV.

Ячмень и напозная куча.

Сколь много есть невѣждъ въ свѣтѣ! гордые бездѣльники, пользующіеся не своими, но народу принадлежащими плодами, всседневно раждаются подобно грибамъ. Дружество, братство, вовсе имъ неизвѣстно. Они краснѣютъ слыша произносимое имя матерей своихъ, и сія безумная гордость явно ихъ посрамляетъ.

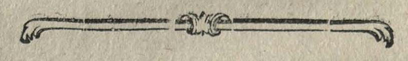
При

При восхожденіи солнца трудолюбивый земледѣлецъ, идучи чрезъ скотной свой дворъ, остановился на нѣкоторое время, и опершись на вилы, разсматривалъ вѣтромъ волнующіяся богатыя нивы; считая мысленно изобиліе жита, приплоды гусей, свиней, овецъ, взвѣшивалъ ихъ волну, и потому пріумножалъ жатву будущаго года. Вдругъ близь его находящаяся груда ячменя прервала размышленія своего господина сими словами:

Скажите мнѣ, милостивый государь, справедливо ли то, что вы поступаете со мной съ толикимъ презрѣніемъ и пренебреженіемъ? со мной, который подаетъ вамъ помощь въ пирахъ вашихъ, и составляетъ питіе, распространяющее въ душѣ вашей удовольствіе? за что я такъ поруганъ, изгнанъ и наконецъ опредѣленъ быть близь сей навозной кучи? Сія мерзость должна ли тутъ находится? Прикажите, милостивый государь, взять его прочь отсюда, сіе сосѣдство весьма меня унижаетъ.

Навозъ отвѣтствовалъ смиренно: владѣтель нашъ посмѣвается твоему

тщеславію; вѣдай, что не должно презирать тѣхъ, кои кажутся тебѣ подлыми и низкими. Ты пріобрѣтешь больше почтенія, признавая во мнѣ своего благодѣтеля и друга. Безъ помоществующей теплоты моей изтлѣлъ бы ты въ землѣ; но ты весьма похожъ на вельможъ, возвышенныхъ щастіемъ, которые думаютъ, что нѣтъ ничего для нихъ столь почтеннаго, какъ забвеніе своихъ долговъ.

БАСНЬ XXXV.

Пиѳагоръ и крестьянинъ.

Пиѳагоръ, углубленный въ важныя размышленія, на разсвѣтѣ дня прогуливался по испещренному цвѣтами полю. И проходя мимо крестьянскаго двора, увидѣлъ, что хозяинъ онаго, приставя лѣстницу къ кровлѣ, потрясалъ слабое ея зданіе сильными ударами тяжкаго молота. Сей стукъ прервалъ умовоображенія Пиѳагоровы.

Другъ мой, сказалъ онъ земледѣльцу! въ какой работѣ упражняешься ты

такъ рано? Правосудіе вопіетъ о мщеніи, отвѣтствовалъ громко простодушный пахарь. Развѣ ты не видишь на крышкѣ сего коршуна, питающагося хищеніями и убійствомъ? бывъ истребителемъ куръ моихъ и индѣекъ, наконецъ заплатилъ онъ мнѣ за то своею жизнію; взгляни на развѣшенныя сіи крылья, я его здѣсь покаралъ для примѣру прочихъ. Теперь, благодаря Бога, птицы мои находятся въ безопасности; они будутъ жить покойно, и размножаясь жирѣть отъ подсѣвковъ моего жита.

Мщеніе твое справедливо, сказалъ Пиѳагоръ; общественное благо требуетъ, чтобъ смертоубійцы истреблялись; но естьли сіи воздушные тиранны претерпѣваютъ столь строгое наказаніе, то какое заслуживаетъ человѣкъ, который ежечасно проливаетъ кровь невинныхъ животныхъ? Сколь великое злоупотребленіе производятъ сила и власть! Плотоядной смертной! ты губишь коршуна, а самъ каждодневно рѣжешь по нѣскольку цыплятъ для твоего обѣда.

О! это правда, говорилъ крестьянинъ, и съ людьми будутъ поступать такимъ же образомъ; (какъ поступаютъ съ коршунами) когда Богъ населилъ свѣтъ животными, то назвалъ онъ человѣка ихъ повелителемъ и господиномъ.

Такъ-то, вскричалъ Философъ, извиняютъ тиранны причиняемыя ихъ варварствомъ преступленія и злодѣйства: ты долженъ признаться, что сія птица, подобная человѣку во всѣхъ своихъ дѣлахъ, приняла смерть за то только, что любила тѣ же ѣствы, коими ты питаешься, и которыя ты столькожъ любишь, какъ она.

Малые бездѣльники погибаютъ для того, чтобы большимъ получить ихъ богатство.

БАСНЬ XXXVI.

Крестьянка и ворона.

Отъ чего сіи слезы? для чего розы лица твоего увядаютъ? не ужъ ли

у тебя и последней мужъ скончался, или еще вящшее злополучіе тебѣ приключилось? не ужъ ли ни одинъ любовникъ не предсталъ заступить мѣсто покойнаго?

Ахъ! или не знаешь ты причины моего смущенія? соль разсыпалась. Праведное небо! это мнѣ предзнаменуетъ нещастіе. Я видѣла ножикъ и вилку мою крестъ на крестъ лежащія, я это видѣла въ пятницу: о нещастный день! небо всесильное! соблюди меня отъ грозящихъ мнѣ бѣдъ. Сей еще ночи, (клянусь, что я говорю сущую правду) сей самой ночи приснился мнѣ изъ моей печи исходящій съ великимъ шумомъ гробъ; истинно будущая почта привезетъ печальныя вѣсти. По крайней мѣрѣ даруй Боже, чтобъ всѣ мои пріятели были въ добромъ здоровьѣ.

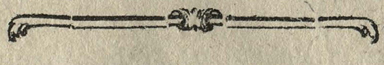
Отри свои слезы, огорченная вдова; отринь страхъ, прогони печаль и возврати охоту къ пищѣ; кушай по прежнему, и плачь, естьли тебѣ вздумается послѣ обѣда; а по собраніи

стола разскажу я тебѣ вмѣсто сладкихъ закусокъ сію басню.

Ѣхавшая верьхомъ на торгъ крестьянка считала будущіе барыши отъ своего товара; но нечаянно вздрогнувъ, пресѣкла размышленія и вдругъ вскричала: сія ворона, сидящая на дубу съ лѣвой стороны, не предвѣщаетъ мнѣ добраго: чортъ возьми проклятое ея карканье! оно предзнаменуетъ зло. Во время сихъ рѣчей споткнувшись кобыла ея, упала, корзина опрокинулась, и лежащія въ ней яицы перебились; крестьянка разтянувшись кляла, бранила и укоряла ворону: мерзская карга, вопила она! чтобъ тебѣ проклятой околѣть! унывной твой голосъ предсказывалъ мое нещастіе; я оное весьма узнала.

Не ругайся такъ, добрая женщина, возразила ворона; лучше разогни ладони и отри свое платье: за что меня такъ поносишь, ты сама въ томъ виновата. Для чего не положила ты тлѣнной свой товаръ на неспотыкливую кобылу? хотя бы и всѣ собравшіяся изъ здѣшняго округа вороны кри-

кричали еще громче тебя, то бы и тогда лошадь твоя не упала и ты бы спасла свои яицы.

БАСНЬ XXXVII.

Индейская курица и мурапей.

Мы ясно видимЪ самомалѣйшіе чужіе недостатки, но что касается до явныхЪ нашихЪ несовершенствЪ, то для тѣхЪ мы сущіе слѣпцы.

Индѣйская курица, наскучивЪ обыкновенною своею пищею, вышла вЪ лѣсЪ: цыплята ея, подбирая по сторонамЪ зерны, слѣдовали за нею.

Ступайте, ступайте, кричала она имЪ, эта кочка предлагаетЪ намЪ сытую пищу. Взглянише на сію черную толпу: здѣсь все унизано муравьями; не бойтесь, клюйте такЪ какЪ я. НѣтЪ ничего такЪ вкуснаго, какЪ муравьи. АхЪ! сколь были бы мы щастливы, и сколь бы завидна была участь наша, естьли бы могли избѣжать повар-

реннаго ножа! но мерзскій человѣкъ вооружился противъ индѣекъ; къ праздннику Рождества убиваютъ насъ сотнями. Сей окаянный человѣкъ иногда кладетъ насъ въ соусы, а иногда жаритъ на вертелѣ; однимъ словомъ, Индѣйскіе пѣтухи бываютъ на всякихъ столахъ, какъ на Государскихъ, такъ и на крестьянскихъ. О сколь гнусно человѣческое обжирство!

Ускользнувшій отъ пасти ея муравей всползъ на буковое дерево, гдѣ находясь въ безопасности, говорилъ ей слѣдующее: прежде охужденія чужихъ пороковъ спросись съ собственною твоею совѣстью, воздержи прожорство и не истребляй цѣлую республику для одного своего обѣда.

БАСНЬ XXXVIII.

Отецъ и Юпитеръ.

Нѣкоторый человѣкъ возсылалъ моленіе Юпитеру, чтобъ онъ далъ ему жену. Его желаніе было услышано; но сей

сей богъ тѣмъ болѣе удивлялся о таковой прозьбѣ, что блаженство въ брачномъ состояніи бываетъ рѣдко и сомнительно.

Вскорѣ потомъ новосочетавшейся приносилъ еще молитвы о наслѣдникахъ. Юпитеръ на то соизволилъ; хотѣніе исполнено: онъ произвелъ двухъ, подающихъ о себѣ великую надежду, сыновей и одну прекрасную дочь.

Заботы его съ умножающимся семействомъ возрастаютъ. Какое имѣетъ быть впредь состояніе сей дочери и сыновей? Онъ видитъ людей, стремящихся за богатствомъ, властію и красотою. Великій Юпитеръ, вопіетъ отецъ! внемли еще разъ мою молитву, да будутъ дѣти мои щастливы. Да воспользуется старшій мой сынъ, сей сынъ, въ которомъ основалъ я всю мою надежду, изящнѣйшими дарованіями счастія. Да вознесетъ его благороднѣйшее любочестіе на высочайшую степень достоинствъ, да препровождается онъ великими шагами въ блистательной жизни свѣтской, и да будетъ

детъ обожаемъ между всѣми придворными. Всемогущій Боже! услыши вопль мой, одари дочь мою всѣми прелестностями и красотою. Соверши, великій Боже, щастіе родителя.

Юпитеръ улыбнувшись оное исполнилъ. Старшій сынъ, ставъ богатымъ, сдѣлался скрягою; онъ совершенно познаетъ науку скупой бережливости. Съ алчбою и попеченіемъ сбираетъ онъ бесполезные куски золота и серебра, не имѣетъ минуты удовольствія, спитъ безпокойно и бдитъ въ страхѣ. Недостаточенъ въ предпріятіяхъ, нещастливъ въ дѣйствіяхъ, мретъ онъ отъ глада, не осмѣливаясь вкусить пищи.

Второй стремится за чинами, въ короткое время изучась совершенно придворной наукѣ и быстро вознесенъ къ первѣйшимъ степенямъ, падаетъ съ нихъ еще поспѣшнѣе, нежели достигалъ, и становится жертвою своихъ совмѣстниковъ.

Блистаніе утреннихъ розъ украшаетъ лицо Бѣлинды, и огнь любви го-

горитъ въ прекрасныхъ ея очахъ; но тѣмъ ставши тщеславна и вертопрашна, презираетъ ищущихъ съ нею союза, и наслаждается взирая на ихъ муки. Пожирающее время, похитивъ прелестные ея розы, помрачаетъ сверканіе очей; любовники изчезли а Бѣлинда презрѣна, приведена въ отчаяніе, умираетъ отъ грусти.

Юпитеръ, зря сѣтованія нещастнаго сего отца, слышитъ его винящаго судьбу за ея жестокость, возразилъ сими словами неправедныя его жалобы: о безумные люди! вы судите о щастіи и нещастіи по однимъ внѣшнимъ ихъ видамъ. Вы слѣпотствуя дерзаете распредѣлять по своему хотѣнію дары небесъ. Просите добродѣтели, и сдѣлавшись благополучными обладателями оной, полагайтесь въ прочемъ на провидѣніе.

БАСНЬ XXXIX.

Двѣ обезьяны.

Педанты Философы, осмѣхаютъ поступки свѣтскихъ людей, а сіи, коими ученіе и нуль за одно почитается, ругаются Педантами и надъ ихъ трудами. Донъ Діегъ важнаго и постояннаго вида презираетъ Маркиза; Маркизъ шутитъ надъ строптивымъ симъ безумцемъ, которой глядитъ и ходитъ по ватерпасу.

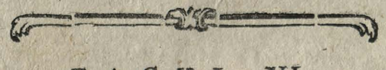
Розбивъ, составленной изъ сихъ двухъ, пустомеля какъ Французъ, важенъ какъ Агличанинъ, въ мнѣніи о себѣ умнѣе всего свѣта, смѣется и тому и другому, а ему тѣ оба ругаются. Прозаисты хулятъ смѣлой штиль поетовъ, а сіи послѣдніе, возносясь на крылѣхъ духа, едва удостоиваютъ презрительнымъ взоромъ хладнокровныхъ прозаическихъ писателей. Мы смѣемся обезьянамъ, а онѣ смѣются намъ. Что же мы для нихъ? Истинныя обезьяны.

Въ одно время двѣ изъ нихъ отправились на ярманку святаго Лаврентія; превосходя наглостію своею самыхъ язвительнѣйшихъ критиковъ, они протерлись сквозь толпу народа, коего острыя кукольщиковы прибаутки къ себѣ привлекали, взяли себѣ билеты и сѣли въ первыхъ мѣстахъ. Сіи важныя и внимательныя фигуры произвели хохотъ во всемъ партерѣ. Братъ, *сказалъ одинъ изъ нихъ!* сія чернь весьма дурно причесана: сала раздалась тотчасъ повторенными свистомъ.

Является ломальщикъ дѣлаетъ колесо, плаваетъ по рыбьему, кувыркается, свѣшивается внизъ головою; а удивленные зрители плещутъ ему съ восхищеніемъ. Тогда улыбнувшись говорила *мартышка*: ежели таковыя коверканья увеселяютъ сихъ большихъ обезьянъ, то скажи пожалуй братецъ, сколь бы могли ихъ удивить наши? Они бы насъ боготворили за проворство. Сколько разъ видала я тебя лазящаго повершинамъ древеснымъ, на нихъ играющаго и дѣлающаго прыжки на воздухѣ? могутъ ли сіи гру-

грубыя обезьяны, такъ какъ мы, скакать съ вѣтви на вѣтвь? Однако плесканіе ихъ показываетъ, что истинное достоинство имъ извѣстно; они почитаютъ наши таланты, и дивятся привидѣ самаго слабаго онымъ подражанія.

Братъ, отвѣчалъ другой! я согласенъ съ тобою, что человѣкъ съ сей стороны разуменъ: *признаюсь*, что онъ заслуживаетъ похвалы. Но естьли вздумаетъ онъ превзойти своихъ мастеровъ, то я расхохочусь его гордости. На примѣръ, естьли что нибудь сего смѣшнѣе какъ видѣть безпрестанно людей стоящихъ на двухъ ногахъ для того единственно, что и мы иногда стоимъ на заднихъ лапахъ? Я ненавижу подражателей.

БАСНЬ XL.

Сопа и земледѣлецъ.

Осанистая мрачнаго вида сова, которая столь же мало, какъ Турка, путеше-

шествовала изъ своего отечества, избрала себѣ жилищемъ житницу, какъ способное для ловли и глубокихъ размышленій мѣсто; высунувшееся изъ стѣны бревно было ея сѣдалище; временемъ качая голову казалась будто размышляетъ о чемъ нибудь важномъ, подобно тѣмъ безумнымъ новоизобрѣтателямъ, коихъ часто видалъ я въ палатахъ царскихъ, читающихъ новыя вѣдомости и судящихъ о жребіи щастія и бѣдъ всей Европы. Набросанные въ кучу снопы наполняли всю сію житницу. Въ нѣкоторое утро земледѣльцу, пришедшему оные осмотрѣть, философствующая сова сообщила свое мнѣніе слѣдующими словами:

Люди, сказала она, воображаютъ себя быть умными; ахъ! сколь они просты! презрѣніе ихъ къ нощной птицѣ открываетъ, естьли не дурачество, такъ ненависть. Сколько пристрастія показываютъ они во всѣхъ своихъ похвалахъ! они удивляются чиликанью малиновки и зяблицы; они находятъ божественнымъ пѣніе соловья, не взирая, что и сами искуснѣйшіе знатоки

токи пернатаго рода видятъ ясно изображенную премудрость въ нашей физіогноміи. Я едва лишь являюся при полномъ сіяніи дня, толпа птицъ меня препровождаетъ, составляя мою свиту; онѣ слѣдуютъ по мнѣ какъ невольники, и всѣ единогласно признаются о моемъ предъ ними превосходствѣ.

Пахарь усмѣхнувшись, такъ ей отвѣтствовалъ: ты ли осмѣливаешься съ дикимъ своимъ голосомъ презирать пѣніе малиновки? Вѣдай, что какъ птицы, такъ и люди почитаютъ тебя глупѣйшимъ твореніемъ. Можешь ли ты, захребетница, гордиться тѣмъ, что ты называешь своими невольниками, своею свитою! Благоразуміе рѣдко имѣетъ почитателей, а глупцы всегда препровождаютъ подобныхъ себѣ, чтобъ осмѣхать ихъ безуміе.

БАСНЪ XLI.

Кукольщики.

Нѣкоторой кукольщикъ, прославившійся во всѣхъ частяхъ Лондона, обмора-

морачивалъ съ толикимъ искусствомъ и хитростію, что всякому казалось, будто дьяволъ управляетъ его руками.

Порокъ извѣстился объ ономъ изъ чтенія увѣдомленій; онъ, будучи внутренно увѣренъ о своемъ собственномъ превосходствѣ, пришелъ въ домъ сего хитреца и изъ среди народа звалъ къ себѣ хозяина громкимъ голосомъ.

Не этотъ ли столь прославившейся человѣкъ, говорилъ Порокъ? скажите, какъ прельщаетъ онъ глаза ваши? пускайка теперь со мною онъ потянется, а вы, государи мои, будьте нашими судьями.

Съ охотою принимаю твое предложеніе, вскричалъ соперникъ; я никому въ свѣтѣ не уступлю въ моемъ искусствѣ. По сихъ словахъ являются и мгновенно исчезаютъ въ его рукахъ вощаные шарики; карты ему повинуются и превращаются въ птицъ; коробочки претворяются въ жито; наконецъ безчисленное множество различныхъ оборотовъ обманываетъ все собраніе.

Потомъ разжимаетъ онъ руки, и всѣ видятъ, что они пусты, показываетъ порожнюю свою сумку, и повелѣваетъ, чтобъ золото сыпалось изъ нее кучами; послѣ того вынимаетъ изъ оной костяныя яички, изъ коихъ выходитъ живая курица. Пораженные зрители всѣ вскричали: о чудо!

Порокъ приближается и занимаетъ его мѣсто, не упустя *ничего изъ обыкновенныхъ обрядовъ*. Возьмите, сказалъ онъ, сіе обвороженное зеркало, оно конечно будетъ вамъ угодно. Зеркало переходитъ изъ рукъ въ руки; всякой желаетъ имѣть отъ него предвѣщанія о предбудущемъ и восхищается зрѣніемъ.

По семъ оборотясь къ стоящему между прочихъ фискалу, вы видите сей вексель, онъ незаконно написанъ на великую сумму: дуньте на него — Рассе. Тотчасъ замокъ заперъ ротъ сего фискала. Дунувъ въ другой разъ, разорвалъ чарованіе и замокъ отвалился.

Две-

Двенатцать бутылокъ ликера, поставленныя на столѣ, вдругъ изчезли, а на мѣсто ихъ увидѣли двѣ окровавленныя шпаги.

Продолжая рѣчь, оборотился онъ къ мошеннику, и отдалъ ему кошелекъ съ деньгами; плутъ, зажавъ его крѣпко въ рукѣ и открывъ оную, находитъ въ ней веревку.

Извольте взять сей жезлъ, (*) сказалъ Порокъ нѣкоторому придворному, которой, схватя съ жадностiю подарокъ сей, видитъ превращенiе его въ топоръ.

Порокъ ставитъ на столъ пень и кричитъ, чтобъ кто нибудь на него дунулъ; дуетъ священникъ, пень исчезаетъ, и тожъ мгновенiе на мѣсто его являются тучныя ѣства, и испуская прiятные пары, услаждаютъ обонянiе предстоящихъ.

(*) Гляди выше въ выноску изъ басни 32 страница.

Порокъ беретъ въ руку стаканчикъ, поворачиваетъ его, кидаетъ изъ него косточки, и деньги всего собранія переходятъ въ его кошелекъ.

Взглянитe на сей портретецъ, сказалъ онъ молодому блѣдному и сухощавому человѣку, вы видите сію алебастровую грудь, сіи коральныя уста, сей станъ нимфы, и сіи блистательныя очи; возьмите его *себѣ, я вамъ* дарю. Онъ схватилъ изображеніе съ восторгомъ, и видитъ въ рукахъ своихъ аптекарскія пилюли, и все собраніе хохочетъ изъ всей мочи.

Червонной, положенной въ руку ростовщика, превратился въ 30 луидоровъ; пускай эти деньги отдадутся наслѣдникамъ сего человѣка, сказалъ порокъ. И 30 луидоровъ переродились у нихъ въ столько же жетоновъ.

Луидоръ въ рукахъ Порока безпрестанно принималъ различныя подобія, выключая любовь къ ближнему, и все, что ни видѣли изъ него исходящее, не сохраняло перваго своего образа.

От-

Отчаянный кукольщикъ съ покорностію признавъ Порокъ своимъ мастеромъ; твое искусство, сказалъ онъ ему, весьма чудесно, и ни съ чемъ несравняемо: руки твои чрезъ всегдашнее употребленіе сдѣлались совершенными: я обманываю народъ только временно, а ты, ты соблазняешь его ежедневно.

БАСНЬ XLII.

Совѣтъ коней.

Между коней, пасущихся на лугу, нѣкоторой жеребенокъ разсѣялъ духъ мятежа и раздоровъ. Старѣйшины съ гордымъ ржаніемъ собрались вмѣстѣ. Напыщаясь молодостію своею и крѣпостію съ горящими отъ гнѣва взорами выступаетъ жеребенокъ, и произноситъ предъ собраніемъ слѣдующую рѣчь:

О сколь презрѣнъ нашъ родъ! долго ли будетъ онъ стенать подъ игомъ неволи? Должны ли мы обременяться сими гнусными узами для того только, что наши предки ими удру-

чались? Разсмотрите, друзья, вашу силу и да утвердитъ навсегда звучная побѣда право ваше? Не посрамляйте себя продолжая сносить гордость человѣческую и яремъ, на васъ наложенной, престаньте таскать великолѣпныя колесницы съ глупымъ тщеславіемъ. Не ужель безпрестанно опредѣлено вамъ томиться трудами? Не ужель думаете, что вы сотворены для того только, дабы вѣчно влачить плугъ, и утопать въ потѣ подъ тяжкою сбруею, скача по почтамъ изъ мѣста въ мѣсто? Воззрите, сколь люди слабы и коликая напротивъ того соединена крѣпость въ мышцахъ нашихъ! а мы до толикаго доведены рабства, что терпимъ раздираніе и окровавленіе челюстей своихъ, держимъ въ роту узду, носимъ тиранновъ и ими управляемся. Долго ли будемъ еще терпѣть лютые бодцы, насъ подстрекающіе? Нѣтъ, свергнемъ сіи постыдныя бразды, отринемъ всѣ орудія нашего плѣна. Пусть человѣкъ покоряетъ льва, пусть укрощаетъ тигра и усмиряетъ его неистовство. Подобно симъ храбрымъ животнымъ защитимъ наше право и воль-

ность

ность нашу; да вострепещутъ всѣ люди отъ имени нашего.

Изрекъ, и уже собраніе провозглашало ржаніемъ своимъ его похвалу, но вдругъ одинъ конь (Несторъ той долины) выступилъ тихими шагами, и окинувъ всюды изполненнымъ мудростію взоромъ, говорилъ бунтующимъ тако:

Когда имѣлъ я еще такую же крѣпость и здравіе, какія вы теперь имѣете: то также извѣстны мнѣ были тяжести рабства; человѣкъ награждаетъ нынѣ минувшіе мои труды; онъ одарилъ меня сими обширными и злачными полями, они изобильно питаютъ меня сладкосочнымъ своимъ быліемъ, и остатокъ дней моихъ течетъ мирно и покойно. Правда, что ссужаемъ мы человѣка работами нашими и что онъ съ помощію нашею воздѣлываетъ землю; но не раздѣляетъ ли онъ съ нами мзду свою? Не бываетъ ли онъ самъ вѣрнымъ сотоварищемъ въ подвигахъ нашихъ? Сколько находится зданіевъ, имъ самимъ воздвигнутыхъ, дабы защищать насъ отъ суровости воздуха?

Онъ подвергается вару солнечному для собранія намъ снѣди; онъ сѣетъ, сожинаетъ и мы раздѣляемъ труды его и корысти. Любезные друзья! всѣ твари опредѣлены вспомоществовать взаимно другъ другу; успокойте волнующейся духъ вашъ, и помышляйте токмо о томъ, какъ исполнить ту долю, которую небо вамъ опредѣлило.

Сія сладкая и кроткая рѣчь усмирила все возмущеніе: жеребенокъ покорился и принялъ ту же оброть, кою имѣли его предки.

БАСНЬ XLIII.

Собака и охотникъ.

Можно до крайности взбѣситься безумнымъ воплемъ своенравнаго глупца; да и кто можетъ спокойно сносить чрезвычайныя дерзости и упрямства?

Пробужденный восходомъ солнечнымъ охотникъ, встаетъ, зоветъ въ рогъ; рѣзвыя собаки его окружаютъ

и текутъ быстро въ лѣсъ. Разсыпавшись во всѣ стороны, ищутъ онѣ вездѣ дичи, и тщетно причуиваютъ покрытыя росою долины. Какое искусство! какое раченіе! какой трудъ! какую тишину онѣ всѣ сохраняютъ!

Вдругъ Миродъ, Датской злобной песъ, молодой повѣса, безумецъ, раззѣваетъ громогласную пасть свою, но вся охота, не внимая его лаю, продолжаетъ поиски, однако своенравной не прерываетъ свои завыванія.

Разгнѣванный охотникъ подбѣгаетъ къ нему и ударомъ своимъ раздираетъ хребетъ; молодой кобель съ визгомъ произноситъ жалобы свои сими словами:

Давно уже знаю я, что пріятность моего голоса есть предметъ зависти для всей вашей охоты: ахъ! сколь силенъ сей порокъ! Эти жестокіе удары получаю я за мое превосходство надъ сотоварищами.

Охотникъ съ бранью отвѣтствуетъ: молодые негодяи, такіе какъ ты, сами

обнажаютъ гордость свою и глупое невѣжество; они могутъ возбудить презрѣніе къ себѣ, а не зависть; ибо она есть нѣкоторой родъ похвалы. Естьли чувство твое было справедливо, то не причиняя мнѣ досады пустыми своими взбрѣхами, искалъ бы ты теперь такъ какъ и прочіе и не показывалъ бы своего безумія.

Глупцы словоохотливостью своею сами обнажаютъ свои пороки и невѣжество.

БАСНЬ XLIV.

Стихотворецъ и роза.

Я ненавижу тѣхъ подлыхъ сердецъ, которыя созидаютъ славу свою, разрушая честь ближняго. Богомолки почитаютъ себя святыми, охуждая свѣтскихъ женщинъ. Мѣлкіе писатели думаютъ, будто злорѣчіе даетъ лучезарныя вѣнцы, коими украшаются главы великихъ мужей. Точно таковаяжъ бываетъ гордость и между красавицъ: онѣ ненавидятъ своихъ совмѣстницъ, и

и всѣми силами стараются ихъ унизить: естьли хочешь ты нравиться Лисбіи, черни предъ нею прелѣсти Доринты. Чтобъ ласкательства твои сдѣлать вкусными Бѣлиндѣ, то должно вмѣшать въ нихъ ядовитость и колкость сатиры.

Въ нѣкоторое утро, Стихотворецъ, желая насладиться прохладнымъ воздухомъ пріятнаго Мая, вышелъ въ садъ, въ коемъ множество различныхъ цвѣтовъ благоухали ароматомъ; онъ срываетъ розу, взираетъ на нее, удивляется и нѣжная его Муза внушаетъ ему сію любовную пѣснь:

Иди, о роза, грудь любезной украшать,
Иди межъ снѣжныхъ горъ у Лисбіи сіять,
Ахъ! сколь бы щастіе мое безцѣнно было,
Когдабъ оно ея блаженство совершило!
Ты роза, какъ фениксъ, подъ взорами ея
Средь многихъ ароматъ лишайся бытія,
Познай завидную теперь свою судьбину!
Ты найдешь всѣхъ цвѣтовъ прекрасную бо-
(гиню,
Сіяніе ея затмитъ твои красы.
Я вижу мысленно тѣ бѣдственны часы,
Когда твоя глава на вѣки преклонится,
Со свѣтомъ солнечнымъ твой томный взоръ
(простится.

Ты

Ты вянешь съ зависти, я вяну отъ любви;
Все въ свѣтѣ временно и все подвластно тли.

Пощади твои сравненія, сказала раздраженная роза. Къ чему весь вашъ стихотствующій родъ беретъ насъ всегдашнимъ предметомъ своихъ несносныхъ подобій? Какое сходство видите вы между нами и вашими Химерами? Почто заставлять насъ увядать между томными вашими стихами? Чего ради заемлете вы безпрестанно наше благоуханіе и нашъ цвѣтъ въ слабыхъ вашихъ Мадригалахъ? Прекраснѣе ли Лисбія твоя стала отъ того, что въ похвалахъ, ей приписываемыхъ, ты насъ унижаешь? Изъ ласкательства обязаны ли мы тосковать, увядать и изчезать отъ зависти?

БАСНЬ XLV.

Медельянская собака, лошадь и опчарка.

Молодые безумцы, стремящіеся къ полученію всеобщихъ совершенствъ, не знаютъ пріятнаго чувствованія, которое

торое внушаетъ смиреніе. Они, полагаясь на свои силы, думаютъ получить во всемъ успѣхъ: разумъ ихъ кружится надъ всякими матеріями; язвительныя ихъ стрѣлы летаютъ наудачу; друзья, враги, всѣ равны въ ихъ насмѣшкахъ. Сего рода поносители, такъ какъ и другіе, пріуготовляютъ себѣ посрамленіе, и рано или поздно каждой молодой вертопрахъ познаетъ, что насмѣшки отплачиваются съ великою мздою. Когда вредный ядъ поношенія вселится въ его сердце, то сдѣлаетъ онъ себѣ столько непріятелей, сколько осмѣлится выпустить насмѣшекъ.

Злая опрометчивая меделянская собака, точной дворовой песъ, думая, что громкое ея горло издаетъ пріятнѣйшій голосъ, растягиваясь всегда на солнцѣ у большой дороги, наполняла ее такимъ же шумомъ, какой бываетъ на заставахъ, и всякъ, кто тутъ ни проѣзжалъ, принужденъ былъ сносить безпокойство отъ ужаснаго ея рева. Когда слышала она конской топотъ, то поднявъ уши бѣжала встрѣчу, лаяла, огрызалась, хватала за ноги коня, гналась

лась за нимъ завывая, и отставала отъ него при самомъ последнемъ домѣ деревни.

Наконецъ приближился нещастный ея день: случилось лошади проходить чрезъ дорогу; вѣчной вздорщикъ стремится къ ней на встрѣчу и кидается на путешественника. Лошадь сперва презирала гамъ ея, а потомъ, будучи раздражена, ударила ее жестоко задомъ, и сама продолжала путь свой. Оскверненный кровію и грязью песъ испустилъ свой ревъ.

Овчарова собака, бывшая свидѣтелемъ сего приключенія, ненавидя бѣшеныхъ, упрекала умирающую сими рѣчьми: всякой безумецъ ворчаніемъ своимъ навлекаетъ гнѣвъ. Естьли бы хотя малой разсудокъ тебя обуздывалъ, то не умиралабъ ты такою смертію.

БАСНЬ XLVI.

Дворъ смерти.

Въ нѣкоторую торжествуемую членами государства ночь, явилась смерть

со

со всею своею ужаснѣйшею славою. Жестокія болѣзни составляли печальный ея дворъ. Отъ Престола ея слышанъ былъ подобной вдалекѣ гремящей бурѣ голосъ.

Въ сію нощь избираемъ мы первѣйшаго нашего Министра, да предложитъ каждый нашъ подданный свое право и требованія. Единая заслуга получитъ сей Гебеновый жезлъ. При сихъ словахъ все собраніе простерло руки.

Лихорадка, мучимая горящею жаждою, приближается, и произноситъ сіи рѣчи:

Я ссылаюсь на еженедѣльныя записки, яко вѣрнѣйшіе свидѣтели моего чрезмѣрнаго усердія; онѣ явятъ чрезвычайную мою скорость, съ которою подхватываю я всякій случай, приключая жестокіе припадки.

Подагра приближается колеблющимися ногами и предлагаетъ, что она, быстро переходя изъ члена въ членъ, и летая изъ головы въ ноги, прицѣпляется съ великою силою къ каждому составу,

угры-

угрызая его безпрестанно и въ самое то время, когда думаютъ, что она утишилась, и что она прямо есть неотвязной гость.

Ужасный призракъ, возставъ изъ среды собранія, влечется къ подножію престола и предлагаетъ права свои тако: я заражаю самыя сладчайшія забавы смертныхъ; подъ видомъ любви разсѣваю я между ими ужаснѣйшія терзанія: изсохшія мои ноги, блѣдное мое лице, довольно за меня отвѣтствуютъ.

Каменная болѣзнь говорила, что терзанія ея умножаются безпрестанно. Чахотка, сіе сухощавое привидѣніе изчезающимъ голосомъ, которой едва былъ слышенъ, также утверждала свое право. Да не отвергнется тихость моя; шаги мои вѣрны, долговременные мои припадки лишаютъ силъ, разслабляютъ и истлѣваютъ. Моровая язва выхваляла тонкость своего яда, которой можетъ мгновенно опустошать цѣлыя государства.

Всѣ предлагали свои достоинства, всѣ надѣялись получить жезлъ властитель-

тельства, и сіе ожиданіе произвело во всемъ собраніи глубокую тишину. Самодержица изрекла ужаснымъ гласомъ нижеслѣдующій приговоръ:

Истинная заслуга всегда скромна бываетъ: какъ! ни одинъ изъ врачей не предлагаетъ здѣсь права свои и ни одинъ изъ нихъ сюда не явился! они конечно думаютъ, что довольно для нихъ той мзды, кою они собираютъ. И такъ вручаю я сей жезлъ невоздержности: она-то наполняетъ златомъ ревностныя руки врачей. А вы лихорадки, подагра, моровая язва, и каменная болѣзнь отрекитесь отъ вашего требованія. Вы извѣстны людямъ подъ именемъ враговъ. Но напротивъ того невоздержность есть ихъ наперстница; она раздѣляетъ вмѣстѣ съ ними забавы ихъ, ласкaя роду человѣческому его истневаетъ. А какъ употребляетъ она васъ всѣхъ, то и достойна первѣйшія степени.

БАСНЬ XLVII.

Садовникъ и свинья.

Нѣкоторой садовникъ, весьма страннаго вкуса, любилъ молодую свинью. Она не ѣла съ прочими; корыто ея вносилось всегда въ задней покой, гдѣ она валялась подъ столомъ. Онъ ласкалъ ее каждой день съ восхищеніемъ, и училъ вертляности постельныхъ собачекъ; онъ не выходилъ никуда не бывъ препровождаемъ своею другинею, составляющею всю его забаву.

Въ одинъ день любовная сія чета вышла въ садъ: для обыкновеннаго попеченія о его содержаніи, гдѣ садовникъ свиньѣ своей говорилъ сими словами: любезная участница моего дома, моего сада, моихъ произрастеній! все это твое; пользуйся сими земляными яблоками, и насыщайся моими бобами; естьли тебѣ нравится рѣпа и брюква, ты можешь довольствоваться ими всякой вечеръ; но пожалуй береги мои цвѣты: сіи тюльпаны, дѣлающіе честь саду моему, сіи обработанныя широкія гряды много мнѣ стоятъ.

Вѣ нѣкоторое утро свинья нашла невзначай на мѣсто, гдѣ ставили молодое пиво: она, вытянувѣ все сусло, получаетѣ вѣ голову чадѣ, шатается вѣ саду, попираетѣ ногами ранункулы, тюльпаны и анемоны, взворачиваетѣ землю и пожираетѣ коренья всѣхѣ цвѣтовѣ.

Садовникѣ, видя сіе раззореніе, кричитѣ ей: ахѣ! воздержи сіе бѣшенство, не уже ли ты глупое животное, неблагодарная изѣ всѣхѣ безумцевѣ, не ужѣ ли забыла ты мое единственное повелѣніе? Какѣ! всѣ мои цвѣты!..... Онѣ не сказалѣ болѣе, взглянулѣ вздохнувши, и потупилѣ голову. Ну скажитежѣ мнѣ, господинѣ мой, ворчала свинья: за что такой гнѣвѣ? я вить не трогала цвѣтовѣ вашихѣ, вотѣ они всѣ цѣлы, а однихѣ только нѣтѣ у нихѣ кореньевѣ.

Садовникѣ взбѣсился и послѣ угрозѣ ударилѣ нещадно виноватую, которая, почувствовавѣ болѣзнь, кинулась ему вѣ ноги и неслегка куснула его зубами.

Ахъ проклятая свинья, вскричалъ садовникъ! ты очень поздо мнѣ припоминаешь, что клѣвъ, а не садъ твое жилище. Онъ послѣ того побрелъ домой съ раненою ногою, размышляя, сколь тотъ глупъ, кто имѣетъ пристрастіе къ такому глупому животному.

БАСНЬ XLVIII.

Человѣкъ и блоха.

Глупое и ложное тщеславіе свойственно всякому животному. Всѣ птички въ глазахъ ястреба кажутся сотворенными для его пищи. Тиранны, будучи еще напыщенные, не воображаютъ ли, что всѣ люди ихъ невольники?

Когда рыбы видятъ морскіе брега, усыпанные перлами, или зрятъ рѣку Тагъ, несущую въ струяхъ своихъ золотой песокъ; когда жители водъ играютъ на вѣтвіяхъ короллoвъ, и когда слышатъ они древній Океанъ, величественно поверьхъ головъ ихъ клубящій огромные свои валы, всѣ сіи вещи, го-

во-

ворятЪ, сотворены для нашей забавы, естество весьма щедро.

ВЪ то время, когда гвоздика и розы испущаютЪ вЪ садахЪ благоуханіе, когда лучи солнца распещряютЪ персикЪ тѣми пріятнѣйшими цвѣтами, коими цѣломудріе украшаетЪ щеки Флоризины; когда фиговыя вѣтви обременяются тягостію своихЪ плодовЪ и когда зрѣлый виноградЪ лоснится посредѣ своихЪ листьевЪ, тогда улитка, вскинувЪ взорЪ на всѣ сіи прелестные предметы, кричитЪ: возможно ли, чтобЪ естество опредѣлило улиткѣ толикое множество велелѣпныхЪ сокровищЪ?

Какое благородство, какое достоинство отличаетЪ человѣческой родЪ! говорилЪ смертной человѣкЪ, тщеславнѣйшій изЪ всѣхЪ населяющихЪ землю животныхЪ.

Солнце погружалось за горизонтомЪ, звѣзды и луна украшали сводЪ небесный, брега оглашались отдающимся эхомЪ. ЧеловѣкЪ, размышляющей о семЪ

восхитительномъ позорищѣ, произнесъ сіи слова:

Когда взираю я примѣчательно на сіе преизящнѣйшее твореніе, на сію ужасную обширность водъ, на сіи покрытые чешуею роды плавающіе въ волнахъ, на сіи безсчетныя животныя, обтекающія лѣса и долины, на сіи пернатые разсѣкающія воздухъ, на день, нощь, разныя времена года, и когда я думаю, что всѣ они суть дары, сотворенные для человѣковъ: то отъ сего самаго произвожу я благородное и возвышенное умоначертаніе, и едва понимаю, сколь важна доля наша.

Не столь велика, какъ думаешь ты, отвѣчаетъ ему блоха, которая кусала тогда конецъ его носа. Покорствуй, и научись познавать себя. Сіе тщеславіе, которое тебя напыщаетъ, смѣшно и глупо въ тебѣ и въ твоихъ подобныхъ; какъ! небо и земля сотворены для одного только тебя! для тебя, рожденнаго для нашихъ надобностей! ахъ! ты произведенъ для того только, чтобъ питать блохъ. Сіе твореніе въ тысящу разъ тебя превосходнѣе.

БАСНЬ XLIX.

Заяцъ и его друзья.

Дружба и любовь для непостоянныхъ и легкомысленныхъ душъ, которыя прелещаютъ отъ предмета къ предмету, ничто иное есть, какъ Химера; дитя, коего мать имѣла нѣсколько мужей, не будетъ знать пріятностей въ горячей къ родителямъ любви. То же самое бываетъ и съ друзьями: тѣ, кои желаютъ имѣть многихъ пріятелей, рѣдко сыскиваютъ одного вѣрнаго и истиннаго.

Заяцъ жилъ въ согласіи со всѣми животными; всѣ ему были знакомы; и главное его стараніе состояло въ томъ, чтобъ не обижать никого: онъ былъ общей другъ.

Въ нѣкоторый день, вышедъ на разсвѣтѣ питаться смоченной росою полынью, услышалъ онъ крикъ охотниковъ: испугавшись звука роговъ, бѣжитъ, достигаетъ поля, останавливается, отдыхаетъ, подымаетъ уши и чувствуетъ при-

приближающуюся смерть, ухищряется, дабы обмануть собакъ, оглядывается и потомъ бѣжитъ изъ всей силы.

Наконецъ напавъ на большую дорогу, на оной останавливается, будучи полумертвъ отъ страха и отъ истощенія силъ.

Но сколь велика была его радость, когда увидѣлъ онъ идущую навстрѣчу къ себѣ лошадь. Позвольте мнѣ, сказалъ онъ ей, сѣсть на васъ; пускай буду имѣть удовольствіе считаться должнымъ жизнію моему дражайшему пріятелю: вы видите, что ноги мои уже измѣняютъ, а всякое бремя для друга легко бываетъ.

Бѣдная кошка, сказалъ ему конь! я въ великомъ нахожусь отчаяніи, видя тебя въ такомъ состояніи; но ободрись, помощь близка: всѣ твои друзья позадь меня.

Нещастный заяцъ прибѣгнулъ потомъ къ быку; сей ему отвѣчалъ: всѣ звѣри поклянутся, что я искренно желаю тебѣ

бѣ всякаго добра: и такъ могу я, не оскорбляя тебя, поступать съ тобой свободно; я тебѣ открываю, что любовь заставляетъ меня спѣшить; прекрасная юница ждетъ меня близь сей копны ячменя, а ты вѣдаешь, что въ таковомъ случаѣ полъ ихъ раздражается наималѣйшею медленностію: могло бы показаться жестоко оставить тебя въ такое время безъ помощи; но погляди, вотъ идетъ къ тебѣ козелъ.

Сей примѣтилъ, что зайцовъ пульсъ былъ въ великомъ движеніи, голова утомлена и глаза угасающи. Холодъ моей спины, сказалъ козелъ, можетъ сдѣлать вамъ вредъ; вотъ овца, она имѣетъ теплую шерсть.

Овца извинилась слабостію и жаловалась на тяжесть руна своего. Я медленна, прибавила она; сверьхъ того признаюсь въ моей робости: собаки поѣдаютъ овецъ также какъ и зайцовъ.

Позади всѣхъ скакалъ теленокъ: изнуренное животное предстало къ нему, прося его, чтобъ спасть отъ смерти не-

несчастнаго друга. Я, отвѣчалъ онъ, еще въ молодыхъ лѣтахъ и не могу предпріять столь опаснаго подвига. Совершеннолѣтныя и искуснѣйшія животныя минули тебя; они всѣ сильны, а я слабъ. И такъ извините меня; внутренность моего сердца вамъ извѣстна; но ахъ! и самые любезнѣйшіе пріятели принуждены бываютъ разставаться. Увы! сколь мы о васъ сожалѣемъ! прощай, я слышу звукъ роговъ и вонъ вся охота уже въ виду.

Конецъ первой части.

